ЮРОВАЯ

22505

Въ декабрьскій вечеръ, въ чисто-прибранной крестьянской избѣ сидѣло трое собесѣдниковъ. Двое изъ нихъ, люди довольно пожилые, имѣли степенный, солидный видъ; дышащая молодостью наружность третьяго отличалась напротивъ неугомонною подвижностью, разлитою не только въ лицѣ его, но и во всей фигурѣ. Особенно не знали покоя руки, то свивавшія на палецъ концы пояска, надѣтаго сверхъ рубахи косоворотки, или крутившіе въ жгутъ полы ея, выпущенныя поверхъ тиковыхъ шароваровъ.

На столѣ передъ ними, среди чайной посуды и тарелокъ съ пшеничными калачами, оладьями и блинами, ворчалъ, пуская густые клубы пара, объемистый самоваръ, называемый въ простонародьѣ „купеческимъ“, а вставленныя въ деревянные подсвѣчники сальныя свѣчи, ярко освѣщая лица присутствующихъ, бросали на выбѣленныя стѣны массивныя тѣни отъ сидящихъ и отъ самовара съ стоявшимъ на комфоркѣ его чайникомъ.

— Ты, Семка, былъ у Ивана-то Николаева? обратился одинъ изъ пожилыхъ собесѣдниковъ къ молодому парню, перетирая полотенцемъ выполосканные стаканы и блюдца.

— Былъ! порывисто отвѣтилъ Семка, точно безотла-

гательно спѣшилъ куда-то, но его задерживали этимъ вопросомъ.

— Чего-жъ онъ поговорилъ съ тобой, а?..

— Говоритъ, что нонѣ они сами набрались ума, отвѣтилъ онъ.

— Откедова-жъ это?

— Не сказывалъ!

— А тебѣ-бы и спросить: давно-ль молъ это мужики съ умомъ справляться стали; допрежъ-молъ такого и слуху не было?...

— Обчествомъ, говоритъ, положили!

— Умомъ-то жить? прервалъ онъ.

— Ну, насъ, говоритъ, нонѣ на кривой кобылѣ не объѣдешь, сами трахтъ знаемъ!..

— А-а!.. Ну, сиваго жеребца припасемъ; энтотъ порысистѣй будетъ!.. съ ироніей замѣтилъ первый.

— Петръ Матвѣичъ, ты слушай-ко, чево онъ показалъ-то мнѣ?.. прервалъ его Семка, быстро повертывая стоявшій около него подсвѣчникъ, не замѣчая, что горячее сало каплетъ на скатерть.

— Какъ мужиковъ-то объѣзжать?

— Прутъ!..

— Пру-у-утъ? удивленно протянулъ въ свою очередь Петръ Матвѣичъ.—О-о!.. Миронъ Игнатичъ, слышь, мужики-то? произнесъ онъ послѣ короткой паузы, слегка толкнувъ облокотившагося на столъ и дремавшаго подъ воркотню самовара Мирона Игнатьича.

— Взялъ прутокъ, продолжалъ между-тѣмъ Семка, —

и кажетъ мнѣ; вишь, говоритъ: одинъ-то его я и пальцемъ сломаю, а коли, говоритъ, метлу возьму, то и топоромъ не съ разу разрубишь! Такъ и вы, говоритъ, порозьто каждаго изъ насъ объѣдете, какъ кому требуется, а коли мы, говоритъ, таперя-купно, обчествомъ, такъ попотѣ-ѣ-ѣшь уломать-то насъ! А нонѣ мы, говоритъ, цѣну-то на рыбу будемъ класть, мы будемъ господа-то, а не вы! Тряхнулъ энто шапкой, да и говорить болѣ не сталъ!

— Вонъ оно, времена-то, а?.. и мужики заговорили! насмѣшливо сказалъ Петръ Матвѣичъ, внимательно выслушавъ разсказъ его.—Ну-да поглядимъ, какъ оно по притчѣ то выйдетъ, кто кого объѣдетъ, говорилъ онъ, снимая съ комфорника чайникъ и разливая въ стаканы настоявшійся, на подобіе пива, чай.—Поглядимъ, повторилъ онъ: — на долго-ль хватитъ мужичьяго-то ума; у мужика-то передній умъ, до перваго горя, а прихватитъ оно—и пойдетъ охать да ахать, да затылокъ чесать.., успѣ-ѣ-емъ!

— Напустить-бы на-перво на нихъ мелочь-то? замолвилъ Миронъ Игнатьичъ, дробя пальцами сахаръ на мелкіе куски.

— Зачѣмъ?

— Спѣсь-то сбивать!

— У мужика-то спѣсь, што у пса шерсть: не стриги— сама вылѣзетъ! замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

— Проживаться-бъ не довелось?

— Первѣе всѣхъ уѣдемъ!—авторитетно успокоилъ Петръ Матвѣичъ.

Наступило молчаніе, прерываемое по временамъ мѣрнымъ

отдуваніемъ горячаго пара съ блюдецъ, аппетитнымъ прихлебываніемъ наливаемаго на нихъ чая, да звонкимъ раскусываніемъ сахара.

— Наша-то мелочь,—облокотившись на столъ, началъ Петръ Матвѣичъ, когда первый аппетитъ его былъ удовлетворенъ,—и безъ травли полѣзетъ къ нимъ, а ты только молчи, будто не за рыбой ѣхалъ; мелочь-то они и отобьютъ отъ себя своей спѣсью; она и пойдетъ скупать по фунтамъ, да полу-пудкамъ у наѣзжихъ и израсходуется; на гуртовой-то скупъ рыбы у ней и капиталу не хватитъ, а ты зна-а-ай молчи, говорю, да складывай товаръ, будто въ обратный собираешься... Понялъ?.. внушительно спросилъ онъ.

Миронъ Игнатьичъ, прищуривъ и безъ того узенькіе глаза, вмѣсто отвѣта молча помялъ губами.

— Ну-ко, Семка, чего выйдетъ, тряхни-ко передней-то половицей, а? весело обратился онъ къ нему.

— Уѣдемъ!

— Затѣмъ и ѣхали... Да съ чѣмъ уѣдемъ-то? отвѣтствуй.

— Съ товаромъ!—отвѣтилъ онъ, такъ же понизивъ голосъ, какъ понижаетъ его ученикъ, не знающій урока и произносящій на вопросъ учителя первое попавшееся на умъ слово. „А-ну, дескать, не угадалъ-ли?“

— А ты полагалъ, я здѣсь его оставлю, а?

Семка замялся, такъ-же какъ Миронъ Игнатьичъ, и быстро закрутилъ въ рукахъ оконечности постланной на столѣ синей скатерти.

— Съ рыбой говори, копченый языкъ! видимо наслаж-

дался недогадливостью его, произнесъ Петръ Матвѣичъ.— Съ рыбой, да съ самой хрушкой *), што даромъ отдадутъ, только Христа-ради возьми-и!..

— Шали-и-ишь! отозвался внезапно оживившійся Миронъ Игнатьичъ, придвигая къ нему опорожненный стаканъ. — Коль мужикъ на упоръ пойдетъ, и на деньги не купишь, не токма Христа-ради возьмешь. Нѣ-ѣ-ѣтъ, не таковскіе они!

— Не куплю? и Петръ Матвѣичъ, угрюмо насупивъ брови, въ упоръ смотрѣлъ на него.

— И я не первой годъ съ ними возжаюсь, продолжалъ Миронъ Игнатьичъ, не отвѣчая прямо на вопросъ собесѣдника, — энтотъ-то мужикъ самъ безъ шила бродни шьетъ. Да-а, можетъ и купишь, поставишь на своемъ, коли всѣ деньги выгрузишь, а ужъ, штобъ онъ пришолъ—тѣ кланяться, возьми-де Христа-ради,—нѣ-ѣ-ѣтъ!

— Придетъ, слышалъ ты это слово мое?

— Давай Господи!

— И накланяется, въ ноги накланяется! Што ты супротивъ этого можешь, а?..

— Подавай, говорю, Господи... мнѣ-то штожъ? уклончиво отвѣтилъ Миронъ Игнатьичъ, хотя мелькающая улыбка осязательно говорила, что сомнѣніе его нисколько не разсѣялось отъ доводовъ Петра Матвѣича.

— А я вотъ такъ таперича полагаю, съ разстановкою началъ Петръ Матвѣичъ, слегка покачавъ головой, —што

*) Крупной.

съ темнымъ человѣкомъ объ эвоныхъ дѣлахъ слова терять, што въ полѣ вѣтеръ имать,—все единственно. А чѣмъ-бы, значитъ, бобы-то тебѣ разводить, пошолъ-бы, на мой умъ, доглядѣть за Авдеемъ, правое слово!..

— Доглядимъ, не уйдетъ! обидчиво отвѣтилъ Миронъ Игнатьичъ.

— Слыхалъ я съ измальства, што у мужика разъ водопольемъ плотину сорвало; снесетъ, говорятъ, ему мельницу-то!.. Не снесе-е-тъ! Подпорка, говоритъ, есть... О-ой снесетъ, кричатъ... А онъ одно твердитъ: нѣ-ѣтъ! А опосля, а-а-ахъ, да о-о-охъ, стой, лови?.. а тамъ ужъ однѣ щепы!..

— Это въ мой огородъ а?..

— Въ чей попадетъ, сухо отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ,— за-нарокъ не мѣтилъ. А ты, Семка, налилъ брюхо-то, аль нѣтъ?—обратился онъ къ Семену, когда Миронъ Игнатьичъ, молча вставъ съ лавки, надѣлъ полушубокъ, запоясался и, снявъ съ гвоздя шапку, вышелъ.

— Семка, вмѣсто отвѣта, сталъ спѣшно выхлѣбывать съ блюдца чай.

— Не жгись, пей путемъ!.. кипятокъ-то не купленъ!.. Сбѣгай-ко ужо, говорю...

Порывисто опрокинувъ опорожненную чашку на блюдцо и положивъ на донышко ея обгрызанный кусокъ сахара, Семка выскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ къ двери.

— Съ узды тебя спустили, а?—строго остановилъ его Петръ Матвѣичъ.—Вотъ экъ-то ты во всякомъ дѣлѣ! Ты на-перво выслушай, куда идти, зачѣмъ идти, да потомъ ужъ

показывай, какими гвоздями у тебя закоблучья-то подбиты! точилъ онъ озадаченнаго Семена, остановившагося среди комнаты.—Сбѣгай-ко, говорю, къ Ивану-то Николаеву, да скажи ему: Петръ Матвѣичъ самъ, молъ, ждетъ тебя безпримѣнно. Слышь?.. да што промежъ насъ въ разговорѣ было—ни-и-ни штоба.

— Я-то съ чего? оправдывался Семенъ, опустивъ глаза въ полъ и крутя въ рукахъ подолъ своей рубахи.

— То-то, смо-отри! Языкъ-то у тебя на живу нитку сметанъ. Скажи, што безпримѣнно ждетъ: всякія, молъ, дѣла оставилъ, дожидается! заключилъ Петръ Матвѣевичъ.

Но послѣднія слова его долетѣли до ушей Семена за порогомъ.

Оставшись одинъ, Петръ Матвѣичъ раскрылъ подержанный, дорожный погребокъ, надѣлъ на глаза очки въ толстой серебрянной оправѣ и, приблизивъ къ себѣ свѣчи, сталъ медленно разбирать сложенныя во внутреннемъ ящикѣ его росписки. Всмотрѣвшись въ этотъ моментъ въ наружность его, когда онъ весь изображалъ вниманіе и когда падавшій прямо свѣтъ ярко обливалъ открытый лобъ его, прорѣзанный морщинами, клювообразный носъ и тонкія, сухія съ блѣднымъ отливомъ губы,—нельзя было не придти къ мысли о мѣткости народныхъ выраженій: „ѣдокъ“, „жила“, „грабля“, характеризующихъ подобныя личности. На черствомъ, холодномъ лицѣ его не пролегало ни одной мягкой черты: оно, казалось, застыло на одной первенствующей мысли, и никакое иное чувство, если-бы и рождалось оно, не могло-бы отразиться на немъ, проникнуть сквозь

эту наросшую отъ времени кору. И наружность, и характеръ Петра Матвѣича были хорошо знакомы крестьянамъ и инородцамъ тобольскаго и березовскаго округовъ. Каждую весну онъ оснащивалъ два павозка *) и отправлялъ на нихъ своего шурина Мирона Игнатьевича Ивергина, служившаго у него въ качествѣ довѣреннаго, и племянника Семена по деревнямъ, лежавшимъ по Иртышу, и на обскіе рыбные промыслы. На дешевенькіе ситцы, платки, бродни и другой мелкій товаръ, необходимый въ быту крестьянъ, они вымѣнивали рыбу и „задавали“ деньги вѣчно-нуждающемуся люду подъ осеній и „юровой“ уловъ ея. Благодаря подобнымъ задаткамъ, вся лучшая крупная рыба оставалась всегда за Петромъ Матвѣичемъ, который, кромѣ продажи ея въ собственной лавкѣ, въ г. Т..., гдѣ онъ имѣлъ свой домъ,—отправлялъ ее довольно значительными партіями ковремени ярмарки въ Ирбитъ. По первому зимнему пути Петръ Матвѣичъ самъ объѣзжалъ всѣ села и деревни, лежавшія вверхъ и внизъ по Иртушу, для сбора рыбы отъ крестьянъ, забравшихъ подъ уловъ ея деньги. Должники всегда съ трепетомъ ожидали его пріѣзда. Каждый изъ нихъ зналъ, что какое-бы горе и нужда ни застигли его,—онъ не могъ разсчитывать на снисхожденіе къ нему Петра Матвѣича. „Бралъ и отдай!“ твердилъ Петръ Матвѣичъ въ отвѣтъ на мольбы, слезы и поклоны крестьянина или инородца. А вопіющая нужда все-таки вынуждала этотъ бѣдный людъ прибѣгать къ нему за деньгами и отдавать

*) Павозокъ—большая палубная, одномачтовая лодка.

свою лучшую рыбу за цѣны, не вознаграждающія даже и труда. Такъ и теперь, только-что пріѣхавъ въ село Юрьево, Петръ Матвѣичъ первую-же свободную минуту посвятилъ разбору выданныхъ ему должниками росписокъ. И какихъ только росписокъ не мелькало въ его рукахъ! „Сиводне ваграфенинъ день,—читалъ онъ одну изъ нихъ, написанную на клочкѣ толстой синей бумаги гвоздеобразными буквами,—пусталобафскій хрисанинъ и ивъфинакенъ иръмалаифвъ у мешанина патапа петравешина твацать руплеффъ всялъ и абисуюсъ въфинакенъ ирмалаивъ руку прилошилъ“. Печать сельскаго старосты скрѣпляла подлинность росписки. Отмѣтивъ въ записной книжкѣ цифру долга, Петръ Матвѣичъ отложилъ прочитанную росписку въ сторону и взялся за новую, и, приблизивъ ее къ свѣту, хотѣлъ читать, но въ это время дверь распахнулась и въ комнату вошелъ пожилой крестьянинъ, въ новомъ казанскомъ полушубкѣ. Петръ Матвѣичъ поднялъ голову и, пристально посмотрѣвъ на него, снялъ очки.

— Спѣси-ивъ сталъ и не зазовешь:—видать денегъ много скопилъ?.. съ ироніей спросилъ онъ, пока вошедшій крестился на икону, висѣвшую къ переднемъ углу.

— Мужику-ль деньги копить! отвѣтилъ онъ.

— А кому-жъ-бы и копить, какъ не мужику, а?

— Торгующимъ!.. Не сѣютъ, не жнутъ, а сама денежка копѣйку родитъ!—Здравствуй-ко, Петръ Матвѣичъ! заключилъ гость, пожимая протянутую руку.—Чего по мнѣ-то заскучалъ, а? спросилъ онъ, садясь на лавку.—Прибѣжалъ это твой-то Семенъ Платонычъ въ попыхахъ такихъ: ждетъ,

говоритъ, безотмѣнно. Ну, дай, думаю, пойду, чего стряслось! Побаловать пріѣхалъ къ намъ, а?

— Потѣшу васъ, куда васъ дѣть-то!

— И себя-то, поди, не забудешь утѣшить-то, а?

— Завязалъ-же узелокъ на память!..

— А-а короче стала?..

— Съ вашимъ-то братомъ скоро и послѣднюю отшибетъ; вишь грѣховъ-то, промолвилъ хозяинъ, захвативъ пачку росписокъ и показавъ гостю,—запомни-ко всѣ-то?

— И всѣ на мужикахъ?

— Болѣ ихъ некому въ карманъ-то насолить... Слыхалъ, и ты сбираешься, и-и по-пріятельски?

— Вѣстимо, лучше пріятеля никто въ карманъ не плюнетъ!.. Только я-то-бы чѣмъ-же это повиненъ а?

— Слыхалъ, што мужиковъ учишь рыбы намъ дешево не продавать?..

— Эвона какой грамотѣ?

— И съ притчами по писанію?

— Это я-то будто учу-то ихъ?

— Все ты, ты—говорятъ, Иванъ Николаевъ!..

— А-а-ахъ онъ этотъ Иванъ Николаевъ, а? шутливо произнесъ посѣтитель.—Ну-у, попадись онъ мнѣ, старый хрѣнъ, я ему сѣдые-то вихры завью-ю!..

— Завей-ко, завей!..

— И то-ись въ лучшемъ видѣ! и на широкомъ открытомъ лицѣ гостя, обрамленномъ сѣдою бородой, выразилась неуловимая иронія. Трудно было опредѣлить, выражала-ли она только насмѣшку, или служила маской для прикрытія

угаданной дѣйствительности. Петръ Матвѣичъ, прищуривъ глаза, пристально смотрѣлъ на него, желая проникнуть въ настоящій смыслъ его неопредѣленнаго выраженія, но Иванъ Николаичъ, не измѣняя себѣ, съ спокойною самоувѣренностью выдержалъ взглядъ его.

— А я исшо съ дурь-то и гостинецъ привезъ! произнесъ Петръ Матвѣичъ, все также пытливо продолжая смотрѣть на гостя и слегка барабаня пальцами по столу.

— Ивану-то Николаеву?

— Ну... ну... сычу-то этому!

— Я-бы на твоемъ мѣстѣ, и ковша-то воды-бъ пожалѣлъ ему, и-ей-Богу!..

— То-то я не въ тебя... добрый!..

— Ужъ, помилуй Господи: кабы всѣ-то въ тебя были, чего-бъ и было, отвѣтилъ гость съ тою-же неопредѣленною ироніей въ лицѣ и тонѣ.

— Не худо-ли, скажешь?

— Пошто худо — хорошо-о... только заживо-бы, говорю, хоронись!

— Отъ добра-то?..

— Отъ добра! утвердительно отвѣтилъ Иванъ Николаичъ.—Вѣдь всякій добръ-то на свой аршинъ, Петръ Матвѣичъ; а не нами исшо сказано, што у мужика-то аршинъ супротивъ купеческаго вдвое длиннѣй: вотъ оно мужику-то добромъ-то за добро платить и убытошно!

— Не у всѣхъ купцовъ-то одинъ аршинъ!.. Не обмѣрься!

— Обмѣръ на свой счетъ приму... Не купецъ—на чужой не прикину!..

— На чистоту будемъ разговаривать-то штоль-ль? спросилъ Петръ Матвѣичъ послѣ непродолжительнаго молчанія, поправляя нагорѣвшія свѣчи.

— Вѣрнѣй будетъ, а-то скрозь мутную-то воду, сколь ни смотри, все дна не увидишь! Да вѣдь твои-то разговоры я зна-аю, — и Иванъ Николаичъ, въ свою очередь, пристально посмотрѣлъ на хозяина: — къ рыбкѣ подбираешься, а?.. съ улыбкой спросилъ онъ,—почемъ нонѣ пудъ-то думаешь брать?..

— Глядя по улову!

— Уловы-то плохи, не рука-а!

— И юровые-то плохи-же?

— Не похвалимся!..

— А я слыхалъ, юровой-то супротивъ лонскихъ годовъ, не въ примѣръ избытошенъ, а-а.. правда-ль?

— Гдѣ-жь слыхалъ-то?

— По дорогѣ!

— Такъ зачѣмъ-же къ намъ-то ѣхалъ? Тамъ-бы и купилъ, гдѣ сказывали и, чать, дешево-бы отдали, и-ей-Богу! съ ироніей отвѣтилъ Иванъ Николаичъ. — Аль понасъ-то заскучалъ?

— О-о-охъ, Иванъ Николаичъ, грѣ-ѣ-шишь ты! Петръ Матвѣичъ засмѣялся неестественнымъ, натянутымъ смѣхомъ, желая прикрыть свое смущеніе.—Говори лучше по чистотѣ, снова началъ онъ: — и уловы хороши, и рыбы хрушкой много, а только хочу, молъ, цѣну набить, поразорить тебя.

— Не грѣши и ты, Петръ Матвѣичъ: раззорять-то ужъ твое дѣло, а не мое! серьезно замѣтилъ ему Иванъ Николаичъ.

Петръ Матвѣичъ побагровѣлъ, брови его сдвинулись къ переносью, нижняя губа слегка дрогнула и, прищуривъ глаза, онъ злобно посмотрѣлъ на гостя.

— Любопытно-бы, кого это я раззорилъ-то? спросилъ онъ оправившись.

— Счетъ-то Петръ Матвѣичъ, длиненъ, што нить у пряжи! отвѣтилъ ему Иванъ Николаичъ, какъ-бы не замѣчая его смущенія.—Вѣдь энти всѣ росписочки-то твои,—о-о-о!.. много въ нихъ грѣха?.. Ты не серчай; я съ простоты говорю это! Кого грѣхъ-то вотъ попуталъ связаться съ тобой, тѣхъ ты и объегоривай, а наше дѣло, скажу тебѣ, особливое, всякому свое добро дорого: выходитъ и вилять тебѣ нечего, што рыбѣ въ сѣтяхъ!..

— Ай-да пріятель, удру-жи-илъ... спасибо! Выходитъ, по твоему-то разговору, мнѣ вашей рыбы не видать, а-а?

— За денежки сколько хошь смотри, на то и товаръ, прятать не будемъ.

— А што, Иванъ Николаичъ, къ слову спрошу я: а ну какъ въ наплеванный-то колодецъ испить придешь, тогда какъ, а?

— Не пью я колодешной-то, Петръ Матвѣичъ!

— Не пье-е-ешь?

— Нѣ-ѣтъ!.. Иртышъ батюшка и поитъ, и кормитъ досыта, были-бы силы; а касательно рыбки-то, такъ надоть сказать тебѣ, Петръ Матвѣичъ, што съ осетринки-то нонѣ

мы будемъ брать два съ полтиной съ пуда, съ нелемки-то осенней рубль сорокъ, а съ юровой-то рубль восемь, а съ съ мелочи...

— Круглыя-жь цѣны-то, съ ироніей прервалъ его Петръ Матвѣичъ.—Кто-жь это цѣнилъ, изъ васъ-то а?..

— Съобча, а по-круглѣй—счетъ ровнѣй.

— Послышу, и вы арихметику-то знаете-жь.

— По суставамъ доходимъ-то до нея... да Богъ милуетъ, не обсчитываемся.

— А-а-а! Ну, на энтотъ разъ по суставной-то арихметикѣ и обсчитаетесь, не продать вамъ рыбу-то, Иванъ Николаичъ, по этимъ цѣнамъ; лучше въ засолъ пустите!—и, слегка посвиставъ, онъ всталъ и, медленно пройдясь по горницѣ, остановился противъ Ивана Николаича, сидѣвшаго, не измѣняя позы.—Брось-ка фальшивить, продолжалъ онъ, дружески потрепавъ его по плечу: — будемъ друзьями, а? Услужу я тебѣ... то-ись во-о-отъ будешь доволенъ!

— Я и не ссорился съ тобой. Што ты? Чего намъ дѣлить-то? А касательно фальшу, такъ вѣдь по коню и ѣздокъ; на міру-то говорятъ, Петръ Матвѣичъ...

— Много у тебя своей-то рыбы, а?

— Пудовъ съ двадцать наберется!..

— Хочешь, я куплю ее по энтимъ самымъ цѣнамъ на свалъ *), а?

---

*) Торговый терминъ: и мелкая, и крупная рыба, не разбираемая даже по родамъ покупается за одну и ту-же цѣну — обыкновеніе очень выгодное для торговцевъ.

— Одолжишь!

— И ты мнѣ одолжи, сбей цѣну-то съ рыбы, а?.. Скажи, што осетрину мнѣ продалъ за семь гривенъ... а нельму за полтину.

— На обманъ, значитъ, идти?

— На то и торговля; свой-бы карманъ былъ цѣлъ, а чужой-то што хоронить... у всякаго свой хозяинъ — пушшай и бережетъ его.

— Нашто-жъ это тебѣ-то убытчиться, у меня-то по энтимъ цѣнамъ покупать, а?..

— Нашто?.. гм... извѣстно для оборота. Не надоть было, такъ и не просилъ-бы, а я бабѣ твоей и ситцу припасъ... на любованье...

— И бабу-то не забылъ, а-а-а!..

— А тебѣ зипунъ, да шапку изъ смушки—весь заводъ заглядится на тебя, а?

— А-а-ахъ, шутъ тебя возьми! съ улыбкой произнесъ Иванъ Николаичъ.—Ну-у-у, ахнутъ мужики-то?..

— И-и какъ ахнутъ-то?.. да не одни мужики, и у бабъ-то глаза загорятъ, глядя на тебя!..

— Старъ, другъ!..

— У стараго-то козла и рогъ крѣпокъ!

— А-а-ах-ха-ха... и-и баловникъ-же ты: видать не на еловыхъ угляхъ выкованъ! Ну-у!.. и энти всѣ милости за то, чтобы я тебѣ по своей-же цѣнѣ и рыбу продалъ, а?..

— Штобъ ты не въ убыткѣ былъ!..

— Все это обо мнѣ радѣешь, а-а-а?.. Пошли тѣ Господи за добро твое!.. За што-же-бы это полюбился-то я тебѣ?

— За умъ!

— О-о, да нешто у мужика есть умъ-то?

— Эге-е!.. этого-то добра у иного и лопатой не выгребешь!..

— Ди-иво!.. а мы-то въ простотѣ полагали, што Богъ и имъ мужика обошелъ, такъ неужъ ты и въ заболь умныхъ-то любишь, а? наивно спросилъ гость.

— Не любилъ-бы и не говорилъ!

— А на мой глупый разумъ, тебѣ-бы, Петръ Матвѣичъ, дураковъ-то жаловать; право, объегоривать-то ихъ способнѣй, коли ужъ на то разговоръ пошелъ. Ты вотъ умнымъ-то меня похвалилъ, я и загордился, и хороши, въ умѣ-то думаю, посулы твои, да совѣсть дорога; хоша и говоря-ятъ, што она у мужика-то черезъ край лыкомъ шита, а все не продамъ ее ни за какіе дары и выходитъ, ты обчелся, на вѣтеръ похвалы-то кидалъ!..

Нижняя губа Петра Матвѣича снова дрогнула и замѣтно было, какъ онъ стиснулъ зубы.

— А-а вотъ... какъ ты нонѣ! произнесъ онъ послѣ непродолжительной паузы,—и это послѣднее твое слово?

— Послѣднее-то слово, Петръ Матвѣичъ, въ смертный часъ скажется; а вотъ штобъ ты по своей цѣнѣ нонѣ у мужиковъ рыбу-то купилъ—вотъ этому, говорю, не быва-ать.

Петръ Матвѣичъ забарабанилъ пальцами по столу.

— О-ой, Иванъ Николаичъ, слушай лучше меня, со вздохомъ началъ онъ:—смотри—и придешь ее самъ продавать въ три—дешево... и въ ноги поклонишься, да опоздаа-аешь!..

— И въ ноги-то накланяюсь, а-а-а? съ наивнымъ удивленіемъ спросилъ Иванъ Николаичъ.

— Поклонишься!..

— Ахъ, ѣшь е мухи!.. а? развелъ руками и хлопнулъ себя по бедрамъ Иванъ Николаичъ.

— Рыба-то съ рукъ не пойдетъ, поклонишься! тѣмъ-же тономъ повторилъ Петръ Матвѣичъ,

— А не пойдетъ и не иди!.. Гнать не буду..: свое брюхо есть...

— А а, стало быть самъ съѣшь?

— И съѣмъ!.. для-ча утробу не потѣшить?

— И разъѣшься-же, поглядѣть-бы.

— Свое-то добро за все въ прокъ!.. Што-жь не все кулцамъ, да барамъ брюхо ростить, пора и мужику его выростить, пора-а-а, Петръ Матвѣичъ, и мужику умомъ жить, о-охъ, пора!.. Ты вотъ по своей-то цѣнѣ ее берешь, міръ зоришь; попомни-ка лонскіе-то годы, когда мы по нашей-то глупости осетрину-то по шести, да по пяти гривенъ пудъ отдавали, почемъ ты въ городѣ-то продавалъ ее, ну-ко?..

— На то и товаръ, штобъ продавать,—и убытковъ-то не мало, Иванъ Николаичъ, не мало!.. Энтотъ-то товаръ по спросу.

— А-а-а, по спросу, да каковъ-бы ни былъ спросъ-то, а ты все менѣе трехъ съ полтиной, да четырехъ рублевъ не продавалъ ее! И считай-ко, сколько лихвы-то бралъ, а? А гдѣ-жь они, убытки-то твои, какіе такіе? Кони у тебя свои, на харчи въ деревняхъ не тратишься... и напоютъ, и на-

кормятъ до-сыта за одну честь... такъ гдѣ-жь они убытки-то, ну-ко?.. Нѣтъ, Петръ Матвѣичъ, а мой умъ, коли ты самъ хочешь хлѣбъ ѣсть, такъ и другимъ давай, и другой, какъ ты, ѣсть хочетъ. Твое-то дѣло пріѣхать, готовое взять, да ты и тутъ мѣтишь уторговать у всякаго и правдой, и неправдой, а мужичье-то дѣло и денной, и ношной работой припасти-то ее. У иного на ловлѣ-то не токма на обуви, а на тѣлѣ на палецъ, на два льду наростетъ, о-о!.. Рыбка-то она на ѣду скусна, а полови-ко ее, попробуй, и узнаешь, какъ мужика-то на морозѣ потъ съ кровью прошибаетъ! Такъ за што-жъ намъ на чужіе-то карманы иго нести, у насъ и свои есть—глупы, глупы, а все ума-то наберется... У насъ ига-то и безъ того много... мужикъ-то всѣхъ поитъ, да кормитъ, только его-то въ проголодь держутъ!.. Мы тебѣ сколько лѣтъ, посчитай-ко, уваженье-то дѣлали, по семи, да восьми гривенъ пудъ—што ни есть лучшей рыбы отдавали. А теперь ты намъ уважь,—по два съ полтиной купи ее. Ты вонъ, вишь, на нашу-то простоту брюшко-то выправилъ, што у доброй бабы на сносѣ, а брюхо-то ростетъ, говорятъ, по карману, въ карманѣ тонко, такъ и брюхо тоще: такъ теперь и намъ дай его выправить-то и полюбовное дѣло будетъ. А не хошь и Богъ съ тобой—другой купить, а деньги-то отъ кого ни брать — все единственно, былъ-бы карманъ, куда класть!

Сила убѣжденія, съ какимъ говорилъ Иванъ Николаевичъ, сказывалась не въ одномъ тонѣ голоса и словахъ, она отражалась и въ блескѣ большихъ сѣрыхъ глазъ, и въ яр-

комъ румянцѣ, разлившемся отъ внутренняго волненія на лицѣ говорившаго.

— А ужъ кланяться, продолжалъ онъ,—я не пойду къ тебѣ: — устарѣлъ, устарѣ-ѣ-ѣлъ, Петръ Матвѣичъ, и съ молоду не кланялся, а ужъ подъ старость-то не буду навыкать! заключилъ онъ, взявшись за шапку.

— Ну, Иванъ Николаичъ, давай-же тебѣ Богъ богатѣть, да жирѣть! съ злою ироніей отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ, упорно молчавшій все время, пока говорилъ онъ. — Не забывай, коли понадоблюсь, неровенъ часъ!..

— Насъ-то грѣшныхъ прости, коли согрубили што съ простоты-то!

— Ну, отъ простоты-то твоей, произнесъ Петръ Матвѣичъ, провожая гостя къ дверямъ и похлопывая себя по затылку,—въ кровь расчешешь!

— О-о-о!.. Ну и мужики-то сказываютъ, што на энтомъ-же мѣстѣ отъ купеческой-то правды у нихъ коросты ростутъ! отвѣтилъ онъ улыбаясь и взявшись за скобу двери.—Ну, прости-же, коли чего приходи, потолкуемъ! говорилъ онъ, выходя въ дверь.

Проводивъ гостя, Петръ Матвѣичъ въ раздумьи поправилъ нагорѣвшія свѣчи и медленно прошелся по комнатѣ. „А-а-а!.. мужикъ... заѣлся... по-о-остой!“ дрожащимъ голосомъ процѣдилъ онъ сквозь зубы и, отворивъ дверь, крикнулъ: „Семка-а-а-а, Семка!“

Но утомившійся за день Семка спалъ на палатяхъ глубокимъ сномъ.

Каждую зиму передъ Никонылимъ днемъ пустынная дорога въ село Юрьево или Юрьевскій Ямъ, лежащее на берегу Иртыша по березовскому тракту, оживляется отъ съѣзжающихся въ него на ярмарку торговцевъ и крестьянъ. Ярмарка эта, извѣстная подъ названіемъ „Юровой", существуютъ въ немъ съ незапамятныхъ временъ, постоянно привлекая къ себѣ тобольскихъ мѣщанъ, а иногда и купцовъ средней руки, ведущихъ обороты въ кредитъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и скромно называющихъ себя „торгующими". Вереницами тянутся въ эти дни фургоны ихъ, запряженные парою, иной разъ и тройкою сильныхъ, сытыхъ лошадей, нагруженные тѣми незатѣйливыми товарами, какими довольствуется не изощрившее еще своихъ вкусовъ сельское населеніе. Одинаково съѣзжаются и крестьяне не только изъ ближнихъ, но и дальнихъ отъ Юрьева селъ и деревень, разбросившихся вверхъ и внизъ по Иртышу съ своими произведеніями и продуктами окружающей ихъ природы. Мѣшки сушеной морошки, малины, черемухи, кедровый орѣхъ, мелкіе засоленные въ кадкахъ грузди, березовики, связки сушеныхъ бѣлыхъ грибовъ, бочки съ брусникой и клюквой виднѣются на каждомъ возу. Иной мужичокъ привезетъ на нее штукъ сорокъ бѣличьихъ и заячьихъ шкуръ, не въ рѣдкость увидѣть и волчьи и чернобурыя медвѣжьи. Трудолюбивое женское населеніе привозитъ на эту ярмарку тонкіе льняные холсты, немного уступающіе въ чистотѣ и прочности лысковскимъ, полотенца, узорно вышитыя по краямъ разноцвѣтною бѣлью, — грубоватыя по отдѣлкѣ, но прочныя настольныя скатерти, пологи, — поло-

вики и особенно рыболовныя мережи для мелкихъ сѣтей и крупныхъ неводовъ, вязанье которыхъ составляетъ одинъ изъ главныхъ женскихъ промысловъ тобольскаго и березовскаго округовъ. Изъ иного воза торчатъ и поднятыя вверхъ ноги свиныхъ тушъ и объемистыя связки бѣлыхъ дородныхъ гусей. Изъ деревень, расположенныхъ въ болѣе лѣсистой мѣстности, тянутся воза съ дугами, раскрашенными баканомъ, охрой и ярью, и съ различною деревянною посудой. И чего не встрѣтитъ на этихъ возахъ любопытный наблюдатель, начиная съ корыта и кадки, и кончая узорно выточеной ложкой съ рѣзкимъ запахомъ лака. Щеголевато выглядываютъ изъ нихъ вмѣстительные жбаны подъ квасъ, расписанные цвѣтами и плодами, надъ классификаціей которыхъ призадумался-бы и опытный ботаникъ. Выточенные въ видѣ боченка, барана или пузатаго карася солонки и большія круглыя чашки для щей развозятся скупающими ихъ торговцами не только въ сосѣдніе округа, но и въ смежную томскую губернію. И на каждой чашкѣ грамотный покупатель прочтетъ замысловатую надпись, сдѣланную сусальнымъ золотомъ, въ родѣ слѣдующихъ: „сядишь за миня не зевай, ложку языкомъ дасуха абтирай“, „налешъ вминя густо не будетъ въ брюхе пусто!“ или „паефши изменя досыта памой и меня дочиста!“ и т. п. выраженія народнаго юмора.

Но главный продуктъ юровской ярмарки, привлекающій къ себѣ городскихъ торговцевъ,—рыба, богатое даяніе пустынной Оби и Иртыша, щедро вознаграждающее мѣстное населеніе за недостатокъ другихъ промысловъ. Круп-

ный осетръ, чалбышъ, жирныя стерляди, нельма, муксунъ, не менѣе крупная щука, налимы, окуни, ерши. Весь лѣтній и осеній уловы ея всецѣло идутъ на эту ярмарку и особенно прибыльный уловъ, начинающійся съ первыхъ дней рѣкостава еще по неокрѣпшему синеватому льду, который трещитъ и гнется подъ ногою ловца. Названіе этого улова „юровой“ время и привычка присвоили и самой ярмаркѣ. Производится онъ „самоловомъ“, снарядомъ самаго простого устройства: на длинной толстой бичевѣ съ тяжелымъ камнемъ, навязаннымъ на концѣ ея, прикрѣпляются на коротенькихъ бичевкахъ, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, желѣзные крючья въ формѣ удочки. Обыкновенно съ первыми заморозками рыба, и особенно крупная, ложится на дно глубокихъ ямъ и слои ея, называемые на языкѣ рыболововъ „юрами“, бываютъ до того густы, что нерѣдко наполняютъ ямы отъ самаго дна до верхнихъ окраинъ, и часто случается, что нижніе слои рыбы задыхаются отъ давленія верхнихъ. Въ эти-то ямы, наперечетъ извѣстныя рыбопромышленникамъ, въ продолбленныя надъ ними проруби и забрасываются самоловы: встревоженная камнемъ рыба начинаетъ шевелиться и, задѣвая за острыя крючья, попадаетъ на нихъ. По колебанію бичевы рыболовъ замѣчаетъ о степени улова, и медленно вытягивая ее изъ воды, ссаживаетъ почти съ каждаго крючка добычу, зацѣпившуюся хвостомъ, плавниками или жабрами. Иногда втеченіи недѣли этотъ благодарный промыселъ окупаетъ годовыя потребности крестьянскаго семейства.

Дня за два до ярмарки, по единственной проѣзжей улицѣ

села тянется рядъ балаганныхъ остововъ, сколоченныхъ изъ тонкихъ жердей. Подобные остовы, я думаю, хорошо знакомы каждому, кому доводилось посѣщать сельскія ярмарки или „грошевыя передряги“, какъ насмѣшливо называетъ ихъ болѣе капитальное купечество, посѣщающее Нижній-Новгородъ и Ирбитъ. Это высшее торговое сословіе съ презрѣніемъ относится и къ тому небогатому люду, который раскладываетъ свой товаръ подъ сѣнью балагановъ, прикрываемыхъ отъ непогодъ грязными холстинами или циновками. Первое мѣсто на узенькихъ полкахъ всегда занимаютъ ситцы, гарусныя шали, ленты, полушолковые головные платки яркихъ рисунковъ и цвѣтовъ, но крайне сомнительной доброты. Все то, что идетъ въ бракъ въ городскихъ магазинахъ и лавкахъ, скупается торговцами, разъѣзжающими по деревенскимъ ярмаркамъ, за половинныя цѣны и сбывается простодушнымъ деревенскимъ покупательницамъ за товаръ высшей доброты, за цѣну вдвое превышающую его дѣйствительную стоимость. Мужскіе опояски, шапки, опушенныя выхухолью, котикомъ и бѣлымъ русскимъ барашкомъ, сапоги, извѣстные подъ названіемъ „кунгурскихъ“, войлочные валенки, замшевыя рукавицы, разшитыя разноцвѣтною шерстью и простыя кожанныя, красиво развѣшанныя на шестикахъ въ видѣ фестоновъ, привлекаютъ къ себѣ вниманіе и деревенскихъ франтовъ, и людей солиднаго возраста, оцѣнивающихъ товаръ болѣе по достоинству, чѣмъ по внѣшности. За ними слѣдуютъ сыромятныя сбруи, черезсѣдельники, украшенные мѣдными кольцами и бляхами, какими любятъ щеголять сибирскіе крестьяне, плотничные и

кузнечные инструменты и рублевые дробовики и винтовки съ кремневыми замками. Парфюмерныя издѣлія гг. Мусатова, и Альфонса Ралле, вмѣстѣ съ ситцами, платками, серебряными и мѣдными перстнями и такими-же серьгами заставляютъ сильно биться сердца деревенскихъ красавицъ, гуляющихъ въ день ярмарки около балагановъ, которыя также, какъ и женщины высшихъ сословій, гонятся болѣе за блестками, нежели за насущною пригодностью вещи. Если включить еще въ этотъ перечень фаянсовую и мѣдную посуду, самовары произведенія гг. Тулиновыхъ, съ драконовой или львиной головой на концѣ крана, корковые и жестяные подносы съ изображенными на нихъ рыцарскими замками или ландшафтами съ купающимися нимфами, бюсты которыхъ превышаютъ объемомъ своимъ пропорціональность прочихъ частей тѣла, затѣмъ различные орѣхи, шепталу, всевозможныхъ формъ и вкусовъ пряники, то каждый составить себѣ полное понятіе о стоимости товара, о средствахъ владѣльцевъ ихъ и о потребностяхъ и вкусахъ покупателей.

Пока наѣхавшіе торговцы устроиваютъ балаганы, у крестьянъ идетъ также дѣятельная работа: разгружаются возы съ навезенными продуктами, рыба сортируется по родамъ и величинѣ, и складывается въ поленницы. Въ эти-то дни до открытія ярмарки, продолжающейся всего одни сутки, и свершаются торговыя сдѣлки между крестьянами и торговцами. Расхаживая по дворамъ, торговцы присматриваются къ рыбѣ, опытнымъ глазомъ отличая икряную отъ яловой, безошибочно опредѣляя и количество икры, какое выйдетъ изъ каждой, и время улова рыбы. По обилію того или

другого рода ея устанавливаются и цѣны. Но какія цѣны! Побуждаемые нуждою и всегда дѣйствуя порознь другъ отъ друга, крестьяне по-необходимости продаютъ ее по цѣнамъ, произвольно назначаемымъ самими-же покупателями. Только въ описываемое мною время крестьянинъ села Юрьево Иванъ Николаичъ Калининъ убѣдилъ своихъ однодеревенцевъ не поддаваться на уловки скупщиковъ и установить свою цѣну на каждый родъ рыбы. Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвело извѣстіе объ этомъ на Петра Матвѣича Вѣжина, главнаго гуртоваго скупщика рыбы.

Въ простонародьи иерѣдко встрѣчаются личности подобныя Ивану Николаевичу; онѣ составляютъ то отрадное исключеніе, на которомъ отдыхаетъ умъ наблюдателя, утомленный однообразіемъ типовъ большинства. Въ нихъ, какъ въ фокусѣ, — отражаются тѣ могучія живыя силы, какія таятся въ народѣ и безслѣдно исчезаютъ, не находя въ окружающей ихъ жизни благотворнаго исхода.

Одаренный умомъ и неисчерпаемымъ юморомъ, проявлявшимся, несмотря на старость, въ какой-то дѣтской шутливости, — Иванъ Николаевичъ честностью отношеній къ людямъ, доходившей до мелочности,—умными дальновидными совѣтами и энергичною стойкостью за интересы своего общества, пріобрѣлъ себѣ уваженіе не только однодеревенцевъ но всей волости, нѣсколько разъ избиравшей его головой. Но онъ всегда отклонялъ отъ себя эту честь подъ различными предлогами. Какъ и многія другія выдающіяся изъ народа личности не минуютъ острога, такъ не миновалъ его и Иванъ Николаевичъ. Рано сказалась въ немъ эта

протестующая присущая его натурѣ сила: — еще въ молодости онъ принялъ на себя ходатайство въ дѣлѣ искорененія злоупотребленій волостныхъ и сельскихъ начальниковъ при сборѣ съ народа податей и денежныхъ и хлѣбныхъ недоимокъ и дорогою цѣною поплатился за это. Болѣе года онъ содержался въ острогѣ и ему угрожала ссылка на поселеніе въ Киргизскую степь, но общество поголовно взяло его на-поруки и его оставили. Но и вынесенный имъ урокъ не охладилъ его энергіи, а, казалось, болѣе закалилъ его. Человѣкъ бѣдный, Иванъ Николаевичъ стоялъ за бѣдность, — все забитое горькою долей находило отголосокъ въ его честной, любящей душѣ и придавало ему сознательную силу въ правотѣ своихъ дѣйствій. Онъ находилъ какое-то упоеніе въ постоянной борьбѣ то съ міроѣдами, подтачивающими въ корнѣ народное благосостояніе, то съ волостными головами, писарями и сельскими старостами. Ни одно дѣйствіе ихъ, если только по убѣжденію его, оно шло наперекоръ общественныхъ нуждъ, не ускользало отъ его вниманія, вызывая въ немъ громкій протестъ, и безпощадно осмѣивалось имъ на волостныхъ и сельскихъ сходахъ. И боялись-же они этого правдиваго, безбоязненнаго голоса! „О-охъ, Иванъ Николаевичъ, не минуешь ты съизнова острога!“ говорили ему болѣе осторожные крестьяне, привыкшіе только уклончиво, махая руками, говорить: „не наше дѣло!“ И все-таки увлекаемые его краснорѣчіемъ, они часто, забывая свою осторожность, возвышали вслѣдъ за нимъ и свой голосъ.

Эксплуатація наѣзжающихъ торговцевъ всегда возму-

щала Ивана Николаевича; не разъ онъ поднималъ противъ нея свой голосъ и все безуспѣшно, но, наконецъ, ему удалось склонить однодеревенцевъ къ самостоятельной оцѣнкѣ своего труда, и предъ началомъ ярмарки, послѣ долгой борьбы съ рождающимся сомнѣніемъ у непривыкшихъ къ самостоятельности крестьянъ, онъ достигъ своей цѣли. Общество, какъ мы видѣли, послушало его, установило свои цѣны и твердо стояло на своемъ до поры до времени.

На другой день Петръ Матвѣевичъ, еще до разсвѣта, послалъ Семена дать знать о своемъ пріѣздѣ всѣмъ должникамъ своимъ. Осмотрѣвъ, послѣ чая вынутые изъ фургона и разложенные во дворѣ тюки съ товарами, онъ вернулся въ горницу, гдѣ его дожидался пожилой крестьянинъ, одѣтый въ ветхій зипунъ и въ разновидные бродни.

— А-а... Евсѣичъ!.. ну-ну, здравствуй, здравствуй, покровительственнымъ тономъ привѣтствовалъ его Петръ Матвѣевичъ, снимая съ себя лисью шубу и вѣшая ее на гвоздь у двери.—Не плакалъ-ли по мнѣ, а?..

— Слезъ-то нѣту... плакать-то... баба-то выла, отвѣтилъ тотъ, кланяясь ему...

— Обо мнѣ-то? насмѣшливо спросилъ хозяинъ.—А-а! ну, спасибо!..

— Поминала, шибко поминала! продолжалъ Евсѣичъ. —Дай, говоритъ, ему Господи ѣхать да не доѣхать!..

— О-ого-о!.. и то поминала!..

— И въ носъ, и въ ротъ тебѣ всячины насулила. Да тебѣ поди икалось? наивно спросилъ онъ.

Петръ Матвѣичъ присѣлъ къ столу и насмѣшливо смотрѣлъ на мужика.

— Нѣтъ не икалось! отвѣтилъ онъ, по обыкновѣнію барабаня пальцами по столу.

— И то ись а-а-ахъ, какъ честила она тебя, попадулъ ты ее крѣпко: понява-то, што изъ твово ситцу сшита, вся то ись... во-о-о! произнесъ онъ, разведя руками...

— Расползлась!

— По ниточкѣ... мало-ль слезъ-то было, да я уговорилъ: погоди-молъ, пріѣдетъ ужо-можетъ на бѣдность и прикинетъ тебѣ чего ни на есть за ущербъ-то...

— За деньги сичасъ-же, крѣпчай таго!..

— За де-е-еньги-же, а-а? удивленно спросилъ мужикъ.

— А ты полагалъ даромъ?

— По душевному-то, оно-бы даромъ надать. Вѣдь тоже, а-а-ахъ, другъ ты мой и бабье-то дѣло: ночей вѣдь не спала, робила. На трудовую копѣйку-то купила его: „теперя умру, говоритъ, похороните въ ней“... А оно вонъ исшо при живности по ниточкѣ, а?.. Взвоешь?

— На то и товаръ, штобъ носился... вѣковѣшной-бы былъ, такъ чего-бъ и было!... и не торгуй!..

— И не носила, ни разу, не надѣвывала. Такъ это, другъ, што глина отъ воды, такъ онъ отъ иглы-то ползъ.

— А глаза-то гдѣ были, когда покупала?

— Вишь бабье-то дѣло... На совѣсть полагалась...

— И наука!.. Впередъ гляди въ оба!.. Въ торговомъ дѣлѣ совѣсти нѣтъ... И мы не сами дѣлаемъ, а покупаемъ!..

— Нау-у-ука!.. Будетъ помнить! Такъ ужъ за ушшербъ-то не будетъ снисхожденія, а?.. Сдѣлл-милость, необидь, бѣдное дѣло-то: слезьми баба-то обливалась, ей Богу!

— Гм... А рыба-то у тебя есть, а? спросилъ его Петръ Матвѣичъ.

— Не поробишь—не поѣшь: наше дѣло такое, промышлялъ!..

— Много?

— Не соврать-бы сказать-то! Пудовъ-то съ семъ наберется!..

— Продаешь?..

— Хе... Чу-удной!—Неужъ самому ѣсть?

— Другіе такъ вонъ сами ѣсть собираются, брюхо ростить хотятъ.

— А-а-а, наши-же мужики? съ удивленіемъ спросилъ Евсѣичъ.

— Мужики!..

— Не-слыхивалъ, другъ. Рази богатымъ-то, имъ точно брюхо-то не въ тяготу, а наше-то дѣло бѣдное, намъ съ брюхомъ-то мука... пасешь, пасешь на него хлѣба, все мало... А-а-хъ ты напасть!.. Ну и прорва! Не купишь-ли хошь рыбу-то, а?.. и хрушкая есть... Есть и осетрина, и нелемки, всякой рыбки сердешной далъ Богъ, промышляли съ бабой-то!..

— А какъ цѣной-то за пудъ, а?

— За пудъ-то?.. Да ужъ съ тебя бы за труды-то ну и за бабій-то ушшербъ надоть-бы подороже?..

— Подешевле не хошь, значитъ?

— Подешевле-то?—на-а-кладно, другъ, дешево-то отдавать нонѣ. За подушную-то, гляди-ко, и-и-и дерутъ, дерутъ, дадутъ отдохнуть, да снова подерутъ!..

— И больно?

— Ничаво-о!.. Подъ хвостъ-то не смотрятъ. Вотъ оно подешевле-то отдавать и убытошно, говорю!

— Ну,-ну, такъ и быть ужъ будто за то, што дерутъ и бабу-то изобидѣлъ—по шести гривенъ съ пятакомъ за пудъ-то осетрины дамъ...

— О-о-ой, милый ты человѣкъ! вскрикнулъ Евсѣичъ и всплеснулъ руками...

— И бабѣ ситцу отпущу!..

— Экую-то цѣну... да што ты... ай, яй-яй... ну-у... да Богъ съ тобой и съ ситцемъ!.. А-а-ахъ ты какой дешевый, а?.. Нѣтъ нонѣ...

Но въ это время распахнулась дверь и въ горницу вошелъ сѣдой, какъ лунь, крестьянинъ. Рѣденькая борода его имѣла желтоватый отливъ. Его костюмъ былъ такъ-же убогъ, какъ и костюмъ Евсѣича.

— О-о! и Кондратій Савельичъ, къ нашему шалашу со своей копѣйкой,—встрѣтилъ его Петръ Матвѣичъ, пока вошедшій крестился на передній уголъ. — Ну-ко порадуй, порадуй! произнесъ онъ, когда тотъ молча поклонился ему.

— Не избытошно радостей-то! отвѣтилъ новопришедшій дрожащимъ, разбитымъ старостью голосомъ.—Сами по нихъ тужимъ. Иванъ Вялый, да Трофимъ Кулекъ къ тебѣ идутъ, пожалуй, радуйся...

— Порожнякомъ, аль съ тѣмъ-же, съ чѣмъ и ты, а?..

— Да у меня, кажись, ничего въ рукахъ-то нѣтъ, съ удивленіемъ отвѣчалъ, разведя руками Кондратій Савельичъ...

— Я не про руки, а про карманы... Карманы-то есть, а!..

— Есть... есть... у штановъ, другъ... Какъ карановъ-то... што ты... къ юровой-то исшо новые вшилъ,— дыроваты были—и вшилъ...

— А-а... ну, подавай Господи!.. Стало быть есть чего хоронить-то, коли новые понадобились, а? насмѣшливо допытывалъ его Петръ Матвѣичъ.

— А-а-ахъ, хоронить-то вотъ рази одни грѣхи!.. Кондратій Савельичъ съ глубокимъ вздохомъ почесалъ затылокъ.

— Эхъ-хе-хе, такъ пошто—жъ новые-то вшивалъ, нитки-то тратилъ, а!.. Экое-то богачество и изъ дырявыхъ-бы не вывалилось, а и выпало-бъ, такъ душѣ легче... Э-э-эхъ, старина!

Кондратій Савельичъ молча развелъ руками и всплеснулъ ими победрамъ, какъ-бы говоря: „толкуй вотъ-поди, и не надобились, а вшилъ!“

— Ху-у-до! произнесъ Петръ Матвѣичъ, съ ироническимъ сожалѣніемъ, качая головой.—А я-то было и роспи-сочку вострону отложилъ: Кондратій-то Савельичъ, думаю, мужикъ обстоятельный, отдастъ, а ты—а-а-а!.. и сфальшилъ.

— Не держи-ко меня-то, прервалъ его Евсѣичъ.— Отпусти!

— Не привязанъ! А дверь-то и самъ, не маленькій,

знаешь какъ отворять! съ ироніей отвѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ

Евсѣичъ замялся и конфузливо почесалъ въ затылкѣ.

— Я къ тому болѣ, началъ онъ.—Чего то-ись бабѣ-то сказать, а?..

— Скажи, пушшай денегъ прикопитъ и придетъ покупать, безъ обмѣру дамъ и такого, што иглой не проткнетъ.

— А ужъ помину-то по душѣ не будетъ, вѣрно?

— Покамѣстъ живъ—не будетъ, а умру—поминай, запрету не полагается!

Снова сконфуженный Евсѣичъ повторилъ тотъ-же жестъ.

— Съ тобой не сговоришь! отвѣтилъ, наконецъ, онъ, покачивая головой. — Все-бы за ушшербъ-то, говорю, слѣдовало... Самъ-же ты нахваливалъ его, какъ продавалъ-то...

— Своего добра никто не обхаетъ, милый!..

— По совѣсти-то, оно-бы и того-о-о, по крайности... надулъ... такъ упоминъ-бы... не за свою душу, за родителевъ!..

— Ахъ ты, чудной какой!.. Развѣ запрещаю: поминай; батюшку звали Матвѣемъ, матушку Апросиньей...

— Такъ энто даромъ-то?

— А ты-бъ исшо за деньги хотѣлъ, а? Рыломъ не вышелъ, другъ мой, попово дѣло точно — имъ за это даютъ! А коли тебѣ потребовалось поминать „усопшихъ рабовъ“, я супротивъ этого безъ запрета, дѣло твое.

— И ндравный-же ты, а-а-ахъ... не хорошо... за родителевъ-бы... на нашу-то нужу прикинуть...

— За энтимъ въ родительскую суботу приди, грошикъ дамъ, а теперь не проѣдайся-ко, иди-ко съ Богомъ, неколи толковать.

— А-а-ахъ, какой ты... ну-у... жила... такъ жила и есть... и не приходитъ ужъ, а?..

— Не приходи, побереги обутки: — вишь подошва-то хлябаетъ, не равно исшо потеряешь—новое горе...

— Ну-у и ругатель! отвѣтилъ Евсѣичъ и, нерѣшительно переминаясь съ ноги на ногу, повернулся къ двери и только что взялся за скобу, какъ она растворилась и въ комнату вошли одинъ за другимъ два пожилые крестьянина; пропустивъ ихъ, Евсѣичъ еще постоялъ въ какомъ-то раздумьѣ, наконецъ, вздохнувъ, произнесъ: „надуу-улъ, ну-у!“ и, почесавъ затылокъ, вышелъ.

Костюмы вошедшихъ, какъ и костюмы Кондратія Савельича и вышедшаго Евсѣича, не доказывали зажиточности; изъ полушубковъ, вися, выглядывали куски оборванной кожи и цвѣтомъ своимъ напоминали выжженную подъ посѣвомъ пашню. Видно было, что весь этотъ людъ принадлежалъ къ разряду „перекатной голи“, т. е. людей, живущихъ день за день безъ просвѣта въ настоящемъ, безъ надеждъ на что-нибудь лучшее въ будущемъ. Одного изъ вошедшихъ въ деревнѣ называли „вялымъ“ за болѣзненную апатичность, выражавшуюся и въ миніатюрномъ лицѣ, украшенномъ неправильно разсаженными клочьями волосъ взамѣнъ бороды, и въ каждомъ его движеніи и

словѣ. Карiе глаза другого, съ насмѣшливымъ, плутоватымъ выраженiемъ перебѣгавшiе съ предмета на предметъ, доказывали напротивъ и умъ, и лукавую смѣтливость. Когда-то въ молодости укравши у проѣзжаго купца кулекъ съ припасами и пойманный съ поличнымъ, онъ въ насмѣшку получилъ названiе „кулька“, съ которымъ до того освоился, что даже позабывалъ порою свое настоящее имя; когда называли его „Трофимомъ“, онъ проходилъ мимо, не оглядываясь, но при словѣ „кулекъ“ улыбался и приподнималъ шапку. На сколько былъ вялъ и безжизненъ Иванъ, на столько же былъ боекъ и нервно раздражителенъ Трофимъ. Обоихъ ихъ, на удивленiе всего села, соединяла тѣсная дружба, точно какъ будто они взаимно уравновѣшивали недостатки другъ друга; даже избы ихъ стояли рядомъ, раздѣляемыя однимъ низенькимъ плетнемъ. Куда-бы ни шелъ Трофимъ, Иванъ слѣдовалъ за нимъ, какъ тѣнь. Задолжавъ Петру Матвѣичу, они оба дали ему одну общую росписку.

— Слышалъ, слышалъ, што вы оба налегкѣ! насмѣшливо встрѣтилъ ихъ Петръ Матвѣичъ. — Объ чемъ-же, значитъ, теперь разговаривать-то будемъ, а?

— Ты хозяинъ, за тобой и починъ! отвѣтилъ ему Кулекъ.

— Я-жъ и начинай, а-а? Ну дѣться некуда, — начнемъ: деньгу принесли?..

— Провинились!.. Хошъ-казни, хошъ милуй!..

— А божился отдать, какъ пріѣду, а?..

— Не побожиться, да не поклониться и вѣры не до-

быть—такое дѣло наше, Петръ Матвѣичъ, со вздохомъ отвѣтилъ ему Кулекъ.

Вялый молчалъ, прислонившись къ стѣнѣ, точно происходящій разговоръ и не касался его, а шолъ о совершенно постороннемъ для него дѣлѣ.

— А што Божье-то имя всуе,—это ничево, а? покачавъ головой, отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ. — Какъ за это въ писаніи-то, што полагается, а?..

Кулекъ съ плутоватой усмѣшкой почесалъ въ затылкѣ.

— Мало-ль чего въ писаніи-то полагается, произнесъ онъ. — Вонъ въ отчей молитвѣ сказано: оставь, говоритъ, должниковъ своихъ, да нѣшто ты ихъ оставляешь, а?.. Каждый, поди, грошъ на счетъ!..

Петръ Матвѣичъ засмѣялся тѣмъ покровительственнымъ смѣхомъ, какимъ любятъ поощрять высокопоставленныя лица удачные отвѣты лицъ, стоявшихъ на низкихъ іерархическихъ ступеняхъ, но подающихъ надежды дойдти до высшихъ, хотя-бы даже эти отвѣты и затрогивали какую-нибудь сторону ихъ характера или дѣятельности.

Ну, и соба-ака на слово-то! улыбнувшись широкою, самодовольною улыбкою, произнесъ Кондратій Савельичъ. Даже въ лицѣ Вялаго проскользнуло что-то тоже въ родѣ улыбки.

Кулекъ молча водилъ глазами по потолку, какъ будто не про него и рѣчь шла.

— Такъ оставь, говоритъ, должниковъ-то, а-а? благодушнымъ тономъ повторилъ Петръ Матвѣичъ, когда смѣхъ его стихъ. — А когда-жъ отдачи-то ждать съ нихъ, аль объ эфтомъ не сказано?..

— Справятся, сами принесутъ!

— А-а-а!.. Ну этого жди-и-и! Однако, ни въ какой молитвѣ не сказано, штобы мужикъ справился, да самъ долгъ принесъ. Ты вонъ и божился отдать, а Кондратій Савельичъ, што ись и карманы говоритъ въ штаны вшилъ, а денегъ все нѣтъ, да нѣтъ!

— Не сами деньги-то дѣламъ и радъ-бы, другъ, отдать-то, да гдѣ ихъ возмемъ, съ глубокимъ вздохомъ произнесъ Кондратій Савельичъ.

— И у меня-то вотъ горе! Завода-то нѣтъ, не куютъ ихъ кузнецы! замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

— Сравнялъ ты себя и насъ! прервалъ его Кулекъ.

— Изъ одного мѣсива-то, а по Христу всѣ братья.

— Братья-то братья-я! и мѣсиво-то одно, да вишь не одними рубахами прикрыто: на твоемъ-то вонъ ситецъ, а на нашемъ-то дерюга, ты и тысчами воротишъ, да охъ не молвишъ, а мы за копѣйку-то спину гнемъ-гнемъ, — хоша жерновомъ выправляй, а все не въ прибыль!

— Послушаю я, на разговоръ-то ты сладокъ, да на дѣлѣ-то никакъ корявъ, ты зачѣмъ ко мнѣ пришолъ-то, а?.. Пукеты росписывать?..

— Сосчитаться!

— И считайся!.. А энти разводы-то къ ярманкѣ побереги,—длинна, потреплешъ исшо языкъ-то; энти пѣсни про нужду-то вашу я каждый день слышу и наскучатъ. Ты вотъ скажи-ко, деньги-то принесъ-ли?

— Ужъ былъ отвѣтъ—нѣту!

— Покрайности, коротко сблаговѣстилъ и за то спа-

сибо; а говоришь—сосчитаться, какъ-же считаться то будемъ, а?

— Рыба есть—бери, тѣ-жъ деньги!

— И давно-бы этакъ сказалъ... Неси!

— Почемъ пудъ-то возьмешь?

— Энто ужь мое дѣло, тебя оно не касающе...

— А-а-а! съ удивленіемъ произнесъ Кулекъ.

— И ахай кулику на гагу, што много пуху. Исто чего скажешь, ну? Цѣну-то любопытно-бы? снова спросилъ онъ.—Коль знать охота пришла—шесть гривенъ на свалъ!..

— Ще-е-едро-жъ! насмѣшливо отвѣтилъ Кулекъ, искоса оглядѣвъ Петра Матвѣича, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ барабанившаго пальцами по столу.—Боязно отдавать-то тебѣ по этой цѣнѣ, продолжалъ онъ, — облопаешься!

— Не нужайся за чужое-то брюхо—свое подвязывай...

— Наше-то за-все налегкѣ: съ трудового-то хлѣба вширь не полѣзетъ, стало-быть и подвязывать нечего; а ужь за экую-то цѣну ты нашей рыбки не возьмешь, Петръ Матвѣичъ, нѣ-ѣ-ѣтъ! Нонѣ времена-то, пожалуй, что и гага на кулика поахаетъ—и пуху мало да носъ востеръ!

— Кто-жъ-бы это съ вострымъ-то носомъ нашелся запретъ-то положить мнѣ взять ее, а? весь вспыхнувъ, спросилъ Петръ Матвѣевичъ, устремивъ на него свои прищуренные, сверкающіе глаза—не ты-ль?

— Не знаю. Ровно мы ловили-то, никто не пріѣзжалъ помогать, а обирать-то вотъ понаѣхали! твердо выдержавъ взглядъ Петра Матвѣича, отвѣтилъ Кулекъ.

— На экихъ-то востроносыхъ хозяевъ я тьфу! Видѣлъ? спросилъ онъ, сплюнувъ на сторону.

— Видѣлъ.

— Энто што-жъ по твоему, а?

— Плевокъ.

— А на кого плюютъ, стало-быть тотъ человѣкъ вниманія нестоющій, понялъ? Выходитъ, и разговаривать мнѣ съ тобой не о чемъ!

— Не закажешь! Иной и на икону плюетъ, да опосля ей-же молится! съ ироніей замѣтилъ Кулекъ.

Но Петръ Матвѣичъ, не обративъ вниманія на послѣднее замѣчаніе Кулька, молча всталъ съ лавки и, подойдя къ полотенцу, висѣвшему на маленькомъ зеркальцѣ, отеръ имъ лобъ и губы.

— Ты чьи деньги-то бралъ, а? снова обратился онъ къ Кульку.

— Твои...

— А помнишь, подъ чего бралъ-то?

— Подъ рыбу.

— Стало-быть обѣщалъ вмѣсто денегъ рыбу отдать: такъ оно аль нѣтъ? И росписку, кажись, въ этомъ далъ, а? Абизуюсь отдать рыбой осеняго улова.

— Далъ.

— Кому-жъ ей надлежитъ теперь распорядокъ-то дѣлать: тебѣ аль мнѣ? Какъ ты это въ толкъ-то возьмешь, ну-ко?

— По моему толку-то, какъ ни верти, а все выходитъ, хозяева-то мы и цѣна должна быть наша, а не твоя... Ты

кладешь ее въ шесть гривенъ, а мы-то въ два съ полтиной, да въ рупь сорокъ, да въ рупь восемь...

— О твоей-то цѣнѣ и не спрашиваютъ, будь благонадеженъ! насмѣшливо прервалъ его Петръ Матвѣичъ. — Што-жъ ты мнѣ ее суешь-то, этакъ и всѣ-бы вы, дай только повадку, забрали-бы деньги да опосля того и грошовую вешшь въ сто рублевъ клали... такъ бы васъ и послушали, и спросили?...

— О-о-о! што деньги-то твои взялъ, такъ и не спросятъ?

— Обнакновенно не спросятъ.

— Безъ спроса, штоль, такъ и возмутъ хоша-бы туже рыбу?

— И возьмутъ! А ты вотъ въ разговорахъ-то не проклажался-бы, а несъ-бы ее, слышишь?

— Слышу, да только нонѣ рыба-то у меня скусная да ядреная—на диво рыба! насмѣшливо началъ Кулекъ,—не по твоему брюху экая, право: найдутся и почишше охотники-то!—И, повернувшись бокомъ, онъ отошелъ къ двери. — Бо-о-огатъ будешь, за экія-то деньги ее отбирать, съ надсады-то карманы разлѣзутся, боязно за тебя-же! Пойдемъ, Вялый! произнесъ онъ, выходя за дверь и сердито хлопнувъ ею.

Петръ Матвѣичъ молча выслушалъ заключительный монологъ Кулька, но замѣтно было, какъ губы его побѣлѣли и звукъ отъ ударовъ пальцами въ столъ сдѣлался рѣзче и отрывистѣе.

— И поплачъ вотъ съ денежками-то, и вѣ-ѣрь! обра-

тился онъ къ Кондратію Савельичу, убого поглядывавшему на него въ ожиданіи своей очереди. — Ну-у, послѣ экихъ уроковъ денежки-то вздорожа-ютъ!

— Съ чего-бъ вздорожать-то имъ, деньгамъ-то, говорю? Деньги-то не рыба, Петръ Матвѣичъ, имъ за все ходъ, особливо у торгующихъ; и самолова не закидывай, сами въ руки плывутъ!—отвѣтилъ Кондратій Савельичъ, пристально посмотрѣвъ на Петра Матвѣича, какъ-бы желая проникнуть въ затаенный смыслъ его словъ.

— Ну, и въ торговомъ-то дѣлѣ, Савельичъ, тоже самоловъ надоть: какъ онѣ въ руку-то задарма пойдутъ, милый, денежки-то? Иной какъ ни потрафляй, все убытокъ, а иной и ни съ чего фартитъ!

— У вашего-то самолова уда повострѣй: попадешь—не сорвешься?

И фальшъ бываетъ.

— Не сорве-ешься! повторилъ! старикъ—эфто теперь, къ слову говоря, ты хошь хрушкую-то рыбу взять по шести гривенъ пудъ; сколь-же ты наживешь-то съ нея? И выходитъ: тебѣ, къ примѣру, фартуна, а намъ убыль!

— Не надоть было деньги-то брать—вотъ какой я отвѣтъ тебѣ дамъ, слышалъ?

— Нужа, другъ, э-эхъ! у мужика-то нужи што пузыря на дожжевой лужѣ: одинъ лопнетъ, а ужь два выскочатъ; и радъ-бы ига-то этого не надѣвать, ярма-то!..

— Когда ты деньги-то бралъ, такъ я, помнится, не спрашивалъ тебя, сколь ты съ нихъ наживешь, а? не отя ему, спросилъ Петръ Матвѣевичъ.

— Мужику-ль нажить, дру-у-угъ!

— Я вотъ спрашиваю: говорилъ я объ эфтомъ аль нѣтъ, какъ деньги-то давалъ тебѣ, а? повторилъ онъ свой вопросъ.

— Не говорилъ... и грѣха этого напрасно не возьму.

— А сулилъ вѣдь и ты рыбу отдать, а? Сулилъ?

— Су-ли-илъ!

— И за языкъ я тебя не тянулъ, а? отдай-де мнѣ рыбу! а самъ ты кланялся, просилъ подъ нее, а?

— Хе... чу-удной ты! ротъ-то не ворота, языкъ не скоба. и потянулъ-бы иной за него, да недостанешь.

— Зачѣмъ ты мнѣ, къ примѣру, укоры-то эфти всѣ разводишь, а? допытывалъ его Петръ Матвѣевичъ, не обративъ вниманія на его отвѣтъ.

— Обида!

— А-а—обида! и обиду спознали! Мнѣ-то вотъ только не обида, што мое-жъ добро заберутъ да мнѣ-жъ и укоры и грубости за энто, а? Словно я насильно навяливалъ вамъ: возьмите, молъ, не обойдите милостью, а то, вишь, деньги-то карманы протерли, тяжело вотъ имъ лежать-то въ нихъ было, — вѣдь вы просили-то, божились-то, кланялись и посулы-то всякія сулили, а не я... Такъ о чемъ-же исшо разговаривать-то? О-обида! хе... тебѣ, мужику, обида, а што меня втрое за благодѣтельство-то мое изобидите, такъ это ничего, или тебѣ, молъ, за свои-то денежки и Богъ велѣлъ муки-то нести, а? говорилъ онъ, вставъ и надѣвая на себя лисью шубу.—Неси-ко лучше, благословясь, рыбу-то безъ ссоры, заключилъ онъ, — и напредки пригожусь!

и, надѣвъ шапку съ бобровымъ околышемъ, вышелъ изъ избы.

Кондратій Савельичъ молча послѣдовалъ за нимъ, не надѣвая изъ почтенія своей оборванной бараньей шапки и постепенно умаляя шагъ, незамѣтно отсталъ отъ него. Постоявъ съ минуту на улицѣ въ какой-то нерѣшительности, онъ почесалъ затылокъ и, надѣвъ шапку, махнулъ рукой, какъ-бы отгоняя отъ себя неотвязную думу, и завернулъ за уголъ.

До ярмарки оставался одинъ день, и потому у балагановъ, куда пошелъ Петръ Матвѣевичъ, кипѣла дѣятельная работа. Всѣ спѣшили устроить ихъ, разобраться съ товарами и разложить ихъ на опредѣленныя мѣста. По дорогѣ ему постоянно попадали подъ ноги деревянные ящики изъ-подъ посуды, вороха сѣна и соломы, которыми она обкладывалась во избѣжаніи лома. Говоръ и смѣхъ, съ которыми спорилась работа, не утихали; порою среди нихъ проносился рѣзкій свистъ пилы или стукъ топора, которымъ вбивали въ замерзшую землю шесты или вгоняли въ сдѣланные въ нихъ выдолбы узкія полки подъ товары. Съ любопытствомъ заглядывалъ Петръ Матвѣевичъ въ каждый балаганъ, едва дотрогиваясь до шапки на привѣтствія торговцевъ или приказчиковъ ихъ. Торговцевъ-мелочниковъ онъ удостоивалъ ласковымъ разговоромъ, съ приказчиками подшучивалъ—съ одного внезапно, среди работы, сорвалъ шапку и, быстро отвернувшись, глядѣлъ въ сторону, стараясь показать видъ, что это и не его дѣло; другого, тихо подкравшись, толкалъ въ бокъ, желая испугать его; иного сдергивалъ за ногу съ козелъ и хохоталъ весело, радушно,

когда сдернутый летѣлъ на полъ, а за нимъ и высокія козлы. У одного онь незамѣтно спряталъ подъ подолъ шубы штуку ситца и когда тотъ хватился ея, онъ, выразивъ полное недоумѣніе въ лицѣ, припялся искать ее вмѣстѣ съ нимъ, но подъ конецъ не выдержалъ и, разразившись громкимъ хохотомъ, возвратилъ ее неосторожному: „а-а ахъ-ха-ха-а-а заходилъ винтомъ! не отдай-ко-бы я, и была-бы отъ Сивотія вытряска,“ со смѣхомъ говорилъ онъ, отходя отъ приказчика, обрадованнаго находкой вещи.

Встрѣчаясь съ знакомыми крестьянами, Петръ Матвѣевичъ ласково здоровался съ ними и останавливался поговорить съ каждымъ, разспрашивая его о семейныхъ дѣлахъ о сборѣ податей, и объ уловѣ рыбы, и о цѣнѣ на каждый родъ ея, получая у всѣхъ въ отвѣтъ, какъ и отъ Ивана Николаевича, што рыба нонѣ въ цѣнѣ—„осетрина два съ полтиной“ и т. п.—„Ну, ну, торгуйте, поправляйтесь!“ съ ироніей отвѣчалъ онъ, „а я такъ вотъ зашабашить хочу“, говорилъ онъ на предложеніе иного изъ нихъ купить,—„не хочу болѣе торговать-то ей, и пріѣхалъ такъ только, старые счеты свести!“ Присматривался онъ и къ рыбѣ, заходя во дворы крестьянъ, гдѣ происходилъ уже обычный ярмарочный свалъ. Вся наѣзжая мелочь, какъ называлъ Петръ Матвѣевичъ мелкихъ городскихъ скупщиковъ рыбы, торговалась до изнеможенія, сбивая цѣны съ нея. Но крестьяне стойко выдерживали напоръ ихъ соблазнъ отъ показываемыхъ имъ денегъ, не уступали въ цѣнѣ, и рыба, дѣйствительно, не шла съ рукъ. Съ ироніей прислушивался Петръ Матвѣичъ къ толкамъ и торговцевъ, и крестьянъ объ

интересующемъ его предметѣ, не высказывая своего мнѣнія, и изрѣдка только думалъ про себя: „Придете исшо, мужики, покланяетесь!“

Зайдя въ свой балаганъ, гдѣ работы приходили къ концу, онъ тщательно осмотрѣлъ симетрично разложенные на полкахъ ситцы и фаянсовую и мѣдную посуду,—осмотрѣлъ даже ящики изъ-подъ нихъ, сложенные въ кучу, и вынутые изъ ящиковъ при распаковкѣ загнувшіеся гвозди, даже разрылъ ногами выложенные при разборѣ посуды сѣно и солому, какъ-бы сомнѣваясь, не скрылось-ли что подъ ними отъ глазъ Семена и Мирона Игнатьевича, снявшаго съ себя полушубокъ и раскладывавшаго товары на полки вмѣстѣ съ работникомъ Авдѣемъ, высокимъ рослымъ мужикомъ, жившимъ у Петра Матвѣича съ малолѣтства и исполнявшимъ самыя многосложныя обязанности. Лѣтомъ Авдѣй ѣздилъ на павозкахъ въ качествѣ рулеваго, зимою сопровождалъ Петра Матвѣича по деревнямъ, замѣняя ему и кучера, и прикащика, а главное—тѣлохранителя на всякій случай, какіе нерѣдко встрѣчаются съ торговцами на глухихъ сибирскихъ выселкахъ. Петръ Матвѣичъ приказалъ Семену, покончивъ съ балаганомъ, прибрать подъ прилавокъ ящики и труху, говоря: „годится на обратній, не покупать!“ и выправить на топорѣ молоткомъ гвозди, хотя многіе изъ нихъ были безъ концовъ, и самыя шляпки отъ давняго употребленія помялись и поржавѣли. Онъ отобралъ кусокъ недорогаго ситцу, чайную чашку съ подписью „вдень Ангела“ и женскій гарусный платокъ и, бережно завернувъ ихъ въ бумагу, перевязалъ веревкою и вышелъ,

не сказавъ своимъ помощникамъ ни слова. Вообще между Петромъ Матвѣичемъ и Мирономъ Игнатьичемъ была замѣтна натянутость отношеній послѣ неосторожно высказаннаго послѣднимъ сомнѣнія въ дипломатической способности Петра Матвѣевича объегоривать крестьянъ. Петръ Матвѣичъ въ обыденной жизни не любилъ баловать своихъ домашнихъ и людей, поставленныхъ отъ него въ зависимость, ласковымъ обращеніемъ. „У меня въ струнѣ, штобы!“ говорилъ онъ каждому, поясняя свою систему правленія. И вдругъ человѣкъ, по его милости ѣвшій хлѣбъ, выразилъ сомнѣніе въ умѣньи его вести свои дѣла. Какъ и всѣ люди, Петръ Матвѣичъ не скоро забывалъ удары, наносимые самому чувствительному въ сердцѣ человѣка мѣсту— самолюбію.

Волостной голова Романъ Васильевичъ Ковригинъ собирался идти съ работникомъ провѣивать привезенную съ мельницы крупу. Надѣвъ старый полушубокъ, онъ подпоясывался, когда въ избу неожиданно вошелъ Петръ Матвѣичъ.

— И не собирайся, никуда не пущу, на то и гостинцы принесъ! съ усмѣшкой привѣтствовалъ онъ растерявшагося Романа Васильевича, который, вмѣсто того, чтобы заправить истрепанные концы кушака за поясъ, въ смущеніи пряталъ ихъ вмѣстѣ съ рукавицами за пазуху.—И не слѣдовало-бы давать-то, ну да куда ни шло! говорилъ Петръ Матвѣичъ, подавая хозяину узелъ и садясь на лавку.

Черезъ четверть часа послѣ его прихода Романъ Ва-

сильевичъ въ новомъ суконномъ зипунѣ сидѣлъ за столомъ въ своей чисто прибранной горницѣ вмѣстѣ съ дорогимъ кумомъ; на столѣ передъ ними лежалъ на блюдѣ разрѣзанный пирогъ изъ свѣжей осетрины, полуштофъ съ очищенной и бутылка съ этикетомъ „сладкая романея“, окруженныя блюдечками съ бѣлыми грибами, груздочками, брусникою, посыпанною сахаромъ, небольшими пряничками и кедровыми орѣхами свидѣтельствовали о всемъ радушіи хозяевъ въ угощеніи дорогаго гостя.

— Избалонала ты его, кума, о-о-охъ! слегка пощипывая изъ пирога осетрину, крикнулъ Петръ Матвѣевичъ за перегородку, откуда доносился до нихъ звонъ чайной посуды.

— Мои-ли года баловать! отвѣтилъ торопливый старушечій голосъ.—Будетъ, побаловали!

— Таи-и-ись будетъ?.. Нѣтъ, видать исшо крѣпко гладишь его, вишь выровнялся, какой кругленькій сталъ.

— Не сглазь! Господь съ нимъ, пусшай отъѣдается!..

— До отвалу-то не корми, въ мѣру потрафляй, а то вдосталь-то зажирѣетъ, што проку? жирные-то пѣтухи только безъ пути ощипываются! говорилъ Петръ Матвѣичъ, посмѣиваясь надъ своей остротой.

Романъ Васильевичъ, круглый средняго роста человѣкъ, съ сѣдою окладистою бородой, обрамлявшей его крѣпкія румяныя щеки, во все время разговора самодовольно улыбался, поглаживая бороду и усы. Въ лицѣ его просвѣчивало самое теплое сердечное добродушіе. Каждый-бы, взглянувъ на него, внутренно сказалъ: „этотъ человѣкъ не сдѣлаетъ никому зла“. А между тѣмъ, благодаря своему добродушію,

всегда почти соединенному въ людяхъ съ безхарактерностью, онъ много дѣлалъ зла, не вѣдая, что творитъ его. Когда-же онъ серьезно убѣждался въ этомъ, то грустилъ и жаловался на долю и на общество, избравшее его головой.

— Ишь онъ вотъ заѣлся и мужиковъ-то своихъ распустилъ! продолжалъ между тѣмъ Петръ Матвѣичъ.—Такихъ-то грубіяновъ, какъ у него, хоша-бы къ примѣру взять Кулька, не найдешь и по губерніи!

А-а, нѣшто сгрубилъ онъ тебѣ? спросилъ Романъ Васильичъ.

— Послушалъ-бы, какъ за мое-то добро напѣлъ. Эхе-е? За то, што мои-же деньги забралъ, и платить не хочетъ!..

— Выправится, продастъ рыбу и возьмешь, отвѣтилъ Романъ Васильевичъ.—Онъ ничово мужикъ-то, хоша и бѣдный!

— Ну-ко, скажи наперво, кому они продадутъ-то ее?

— Мало-ль торговцевъ-то наѣхало...

— Ни пуда ни купятъ у нихъ по ихнемъ-то цѣнамъ, какія они наложили.—Ты слыхалъ-ли, они вонъ таксію установили, а? А ты, голова, и ухомъ не ведешь, какъ будто не твое и дѣло, а такъ и должно?

— И чу-удной-же ты какой, Петръ Матвѣичъ, право, чудной! укоризненно качая головой, отвѣтилъ Романъ Васильевичъ. Вѣдь всякій въ своемъ добрѣ воленъ!..Это -бы я полѣзъ къ тебѣ въ твое дѣло съ указомъ, чего-бъ ты сказалъ мнѣ?

— Мое дѣло—другая статья, а вотъ ты мнѣ про свое-то скажи: голова ты, аль нѣтъ?..

— Голова!

— Блюсти, што-бъ казнѣ-то не было ушшербу твое дѣло?

— Казну-то блюсти энто мое дѣло, да нѣшто ей есть отъ энтаго ущербъ?

— Собралъ ты подать-то, аль нѣтъ, ну-ко?

— Туго она нонѣ идетъ, кумъ,—а-а-ахъ, какъ туго!.. Супротивъ лонскихъ-то годовъ и трети не выходили. Сбился народъ-то. На Юровую вся надежда!

— И обманешься! Неужь ты думалъ, у нихъ будутъ покупать, а?.. Смѣ-ѣшно! Это я бы, къ примѣру, ѣхалъ за триста верстъ, тратился, да и купилъ ее по этимъ цѣнамъ, а самъ ее долженъ за половинную отдать, да и то слава Богу, если купятъ. Такъ изъ какихъ-же прибытковъ мнѣ покупать-то ее, а? Нѣ-ѣтъ, дураки-то нонѣ въ городахъ повывелись: всѣ говорятъ въ деревни убѣгли, гдѣ ихъ непочатый уголъ наваленъ! А ты вотъ сиди, да жди, соберешь ее много подати-то: распахивай казенный-то сундукъ подъ сквозной вѣтеръ. А нѣшто начальство не спроситъ съ тебя, что ты смотрѣлъ на порядки-то на энти, на бунтъ-то? а-а?

— Бунтъ? съ удивленіемъ спросилъ Романъ Васильичъ.—Да гдѣ онъ, бунтъ-то, какой изъ себя покажъ-ка?

— А это по-твоему не бунтъ, если я таксію самовольно установлю казнѣ въ ущербъ, а?—Ты голова, а волостью-то вонъ Иванъ Николаевъ заправляетъ, таксіи выдумываетъ,

подговариваетъ мужиковъ на дѣло, отъ котораго казнѣ ущербъ.

— Ивана Николаева ты, Петръ Матвѣичъ, зря не путай! Онъ худу не научитъ, это мужикъ первый по волости.

— По плутовству-то?

— Не извышенъ онъ на энто ремесло-то, о-ошибся ты, кумъ.

— Острогъ прошелъ, да неизвышенъ, а? и Петръ Матвѣичъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ на него.

— Въ острогѣ-то, говорятъ, болѣе честныхъ сидитъ, Петръ Матвѣичъ, чѣмъ на волѣ ходитъ. И дураковъ-то, сказываютъ, туда малость сажаютъ, все болѣ умныхъ, такъ-то...

— А-а-а! Ну экую рѣчь въ первой и слышу, што-жь это ты не въ острогѣ? Кажись, съ виду-то не дуракъ-бы мужикъ!

— Не линія, значитъ!

— Обожди-же, не скучай, съ Иваномъ-то Николаевымъ скоро попадешь на нее! Нѣ-ѣтъ, кумъ, около энтихъ-то дѣловъ, што у огня,—спустя рукава, не стой,—обозжешься, тогды и помянешь меня, о-ой, помянешь! И Петръ Матвѣичъ, отвернувшись въ сторону, слегка забарабанилъ пальцами по столу и искоса наблюдалъ за Романомъ Васильевичемъ, въ лицѣ котораго при послѣднихъ словахъ его выразилось глубокое раздумье. Видно было, что гость затронулъ въ хозяинѣ еще нерождавшійся вопросъ. Какъ и большинство неграмотныхъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, Романъ Васильевичъ былъ трусъ. Онъ всего боялся:

боялся и писаря, и земскихъ властей, отъ которыхъ находился въ полной зависимости, одинаково боялся и избравшаго его общества. Общественные интересы онъ понималъ и, какъ члена той-же общины, они одинаково касались и его, но, незнакомый съ существующими законоположеніями, онъ всегда терялся въ сознаніи правоты ихъ, тѣмъ болѣе зная по опыту, что земскія власти не всегда одобрительно относились къ интересамъ крестьянъ. Слова Петра Матвѣича и вызвали въ немъ подобное сомнѣніе. „А что какъ этого не велѣно, и послѣ въ самомъ дѣлѣ меня спроситъ, чего я глядѣлъ?“ все мучительнѣе и мучительнѣе шевелилось въ его умѣ.—А-а-ахъ! произнесъ онъ, покачавъ головой, и, заворотивъ полу зипуна, отеръ ею крупный потъ выступившій на лбу.

— Не жарко, братъ! съ ироніей замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

— Отъ думы, кумъ! Отъ жары-то я не шибко на потъ-то податливъ! А-а-ахъ! дай-то, Господи, говорю, дослужить поскорѣе. И-и-и, то ись обѣми руками хрестъ положу. И ей-Богу, отъ одной думы-то энтой сколь сокрушенія! произнесъ онъ, разведя руками.—Одинъ одно говоритъ, другой совсѣмъ инако, а мое-то дѣло—темь!..

— Чего-жь ты надумалъ-то, а?..

— Надумалъ-то! да надумалъ-то я таперича, кумъ, скажу тебѣ, большое дѣло!

— А-а! Подавай Господи, пора!

— И то ись такъ таперича въ своемъ умѣ полагаю,

съ глубоко-серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ говорилъ хозяинъ, — твори Господи волю свою!

— То-о-олько-то?

— Возложись и будешь паче всего невредителенъ!

Петръ Матвѣичъ снова забарабанилъ по столу и, сжавъ губы слегка засвисталъ.

— Не-емного-же ты выдумалъ! съ ироніей произнесъ онъ. — А я-то съ дуру порадовался, думалъ, ты и нивѣсть што, — а оно не-е-мно-о-го! А какъ-же ты съ Кулькомъ-то расчитаешь меня, а? спросилъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія: — мнѣ время-то не терпитъ, а задолжалъ-то онъ мнѣ вмѣстѣ съ Вялымъ болѣ тридцати рублей, по нонѣшнимъ-то временамъ, — де-еньги! А я подъ рыбу ему давалъ. Ты отбери-ко мнѣ рыбу-то у него, а?

— Одумается и самъ отдастъ, обожди зорить-то!

Петръ Матвѣичъ посмотрѣлъ на него, угрюмо насупивъ брови, и, приподнявшись съ лавки, молча взялся за шапку.

— Толковать-то языкъ устанетъ. Ай голова-а! отрывисто проговорилъ онъ. — И ищи суда!

— А-а-ахъ, ты строптивый какой, ну-у!..

— Будешь строптивъ, какъ одинъ вотъ такъ-то подкуетъ, да другой, а карманъ-то одинъ... Идешь, штоль?

— Не каплетъ! Прикуси, испей хоша чайку, въ които вѣки заглянешь?..

— Идешь, спрашиваю, аль нѣтъ? настойчиво повторилъ Петръ Матвѣичъ.

— А-а-ахъ, какой ты, ну-у! а я исшо хотѣлъ было сегодня крупу провѣять, мужикъ тутъ покупаетъ ее у меня,

а тутъ грѣхи одни, и-ей-Богу, грѣхи! говорилъ хозяинъ, неохотно охорашивая свою бѣлую мерлущатую шапку и выходя вслѣдъ за гостемъ.

По дорогѣ Петръ Матвѣичъ завернулъ въ балаганъ и взялъ съ собою Семена. Авдѣя-же послалъ за лошадью съ розвальнями. Дойдя до избы Кулька, стоявшей около гуменъ, окаймлявшихъ берегъ Иртыша, они встрѣтились съ нимъ у калитки. Увидя ихъ, Кулекъ остановился.

— Распахивай-ко ворота для дорогихъ-то гостей, съ насмѣшкой сказалъ Петръ Матвѣичъ, когда они подошли къ нему.

— А зачѣмъ-бы это Богъ въ дешевую-то избу дорогихъ-то гостей принесъ? спросилъ его въ свою очередь Кулекъ, загородивъ собою входъ въ калитку.

— Ты-бы изъ учтивства-то въ избу примолвилъ, не тати *) къ тебѣ пришли! серьезно замѣтилъ ему Романъ Васильичъ, видимо входившій въ роль отъ сознанія своего достоинства.

— Не заперта, милости просимъ. Добрая-то вѣсть, сказываютъ, сама летитъ, худую-то только на ворота вѣшаютъ. Не за добромъ, видать, въ гости-то называетесь!

---

*) Многимъ можетъ показаться неправдоподобнымъ употребленіе въ разговорѣ крестьянъ церковно-славянскихъ словъ. Считаю нужнымъ оговорить, что въ нарѣчіи сибирскаго крестьянина они часто встрѣчаются. Трудно рѣшить, занесены-ли они въ него «начетчиками раскольниками» или являются остаткомъ первобытной формы языка, уцѣлѣвшей отъ, позднѣйшихъ его измѣненій. Особенно часты въ употребленіи слова: тать татьба (воровство), выя, ланита, ложе, яко, паче, блудъ, блудодѣй (развратникъ или воръ, одно и тоже) и т. п.

говорилъ Кулекъ, входя во дворъ и отворяя дверь въ избу, куда вслѣдъ за нимъ вошли голова и Петръ Матвѣичъ.

О горькой нуждѣ въ быту Кулька можно было заключить уже по обстановкѣ въ избѣ. Около покосившихся, но все-таки чисто-выбѣленныхъ стѣнъ стояли лавки, сходившіяся у стола въ переднемъ углу. У печки висѣла люлька, въ которой стоналъ обернутый въ какія-то лохмотья больной ребенокъ. У узенькаго оконца, съ натянутымъ вмѣсто стекла бычачьимъ пузыремъ, едва пропускавшимъ дневной свѣтъ, сидѣла съ прялкою въ рукахъ подростка-дѣвочка, въ одной грубой пестрядинной рубахѣ, прикрывавшей ея тощее тѣло. Сидя у люльки, жена Кулька, пожилая женщина съ болѣзненно-истомленнымъ лицемъ, укачивала на рукахъ другаго больнаго ребенка, то прижимая его къ груди, то поднимая на воздухъ, чтобъ унять его плачъ и удушливый кашель. И мука, нестерпимая мука выражалась въ эти минуты на ея лицѣ. И грустная картина эта, и удушливый, спертый воздухъ, и царившій въ избѣ мракъ охватили-бы человѣка, незнакомаго съ жизнью нашего крестьянина, томительнымъ чувствомъ. Но не того закала были вошедшіе.

При входѣ головы и Петра Матвѣича дѣвушка испуганно встала, съ недоумѣніемъ глядя на нихъ. Холодный воздухъ, охватившій люльку, возбудилъ въ ребенкѣ, лежавшемъ въ ней, кашель, кончившійся глухимъ сиплымъ крикомъ. Успокоившійся на рукахъ матери ребенокъ, разбуженный ея торопливымъ движеніемъ, также разразился плачемъ.—О-охъ, Господи!“ произнесла бѣдная женщина, прислонясь къ печи и снова укачивая его.

— Ганька!.. крикнулъ Кулекъ дѣвушкѣ, стоявшей съ прялкою въ рукахъ, — возьми робятъ-то, да снеси ихъ къ Вялому въ избу!—Чѣмъ-же угощать-то тебя, Романъ Васильичъ, што не обошелъ честью, заглянулъ и въ мою клѣть? спросилъ онъ, когда дѣвушка, закутавъ плачущихъ дѣтей въ изорванный полушубокъ, унесла ихъ, и въ избѣ воцарилась тишина.

— Обиду вотъ на тебя, Петръ Матвѣичъ принесъ, братецъ ты мой! отвѣтилъ онъ, присѣвъ на лавку.

— Што за шесть гривенъ пудъ рыбы не отдаю, а-а-а!— емокъ онъ на энти обиды-то!.. Такъ ты это судитьи асъ пришелъ, а?

— А-ахъ, братецъ, и всѣ то-исъ вы!.. Ты вѣдь бралъ деньги-то?

— Въ отпоръ не иду — бралъ.

— И отдай... по заповѣди... путемъ отдай!

— И отдаю. Пушшай беретъ рыбу. Вотъ онъ тутъ сидитъ, я при немъ и говорить буду. Онъ вотъ обиду несетъ, а што самъ обижаетъ, про эфто молчитъ!.. Я бралъ... Бралъ и росписку выдалъ вмѣстѣ съ Вялымъ, подъ рыбу бралъ, рыбой и отдаю. Такъ зачѣмъ онъ грабить-то хочетъ, а? Вотъ онъ тутъ сидитъ... глазъ-на-глазъ... ты и спроси его, нѣшто по нынѣшнимъ-то цѣнамъ за шесть гривенъ пудъ-то осетрины взять не грабежъ, а!..

— Экія-то слова мо-отри въ препорцію другъ! внушительно замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ,—а то за поношенье чести!..

— Нѣшто у тебя есть честь-то? презрительно усмѣхнувшись, спросилъ его Кулекъ.

— Смо-о-отри, говорю, о-ой!..

— Не пужай! смотрѣть-то не на што! раздражительно отвѣтилъ онъ. — Ты о чести своей молчалъ-бы! Честь-то твоя — што у худой бабы подолъ — обшмыгана!..

— И въ самомъ дѣлѣ, ты, Кулекъ, попригляднѣй на слова-то будь! строго замѣтилъ ему и Романъ Васильичъ. — Слово-то слову не инако: вылетитъ — не поймаешь!

— Мое-то слово горе говоритъ, Романъ Васильичъ. Ты гляди ртовъ сколь... пить, ѣсть хотятъ, а работникъ-то на семью одинъ я. Ты подушну-то спрашиваешь, вздоху не даешь... есть чего отдать, аль нѣтъ, а разорвись, да выдай! Пушшай ужь казна беретъ, ну-у Божье попущенье! За што-жь исшо купцы-то наѣзжаютъ грабить насъ, а?.. А коли ты честный, говоришь, обратился онъ къ Петру Матвѣичу, — ты по чести и бери... не зори... не отнимай у нищаго-то послѣдняго куска изо рта! Вѣдь ты сы-ытъ, избытошно Богомъ-то взысканъ, а я нищъ, ни-и-ищъ! и въ голосѣ Кулька зазвучали слезы.

— И болтъ... привяжи вмѣсто языка-то, устанетъ въ разговорахъ-то энтихъ! сухо произнесъ Петръ Матвѣичъ, глядя куда-то въ сторону. — Ты, голова, сказки пришелъ слушать, аль за дѣломъ? съ ироніей спросилъ онъ.

Романъ Васильичъ вмѣсто отвѣта глубоко вздохнулъ. Видно было, что въ душѣ его происходила борьба.

— Ну-у, онъ тѣ и прикинетъ двѣ-то, три гривны отъ щедрыни! внезапно утѣшилъ онъ Кулька.

— Съ какихъ это резоновъ ты взялъ? угрюмо насупившись, спросилъ его Петръ Матвѣичъ.

— На нужу-то его, што Богу-бы свѣча, кумъ, бѣдное и его дѣло-то! съ грустью въ голосѣ заступился онъ.

— Изъ чужихъ-то кармановъ ты бы гривенъ-то на свѣчи Богу не высовывалъ, а свой широкъ: распахни, ставь, запрета нѣтъ!

Романъ Васильевичъ почесалъ въ затылкѣ.

— А я вотъ спрашиваю, почемъ ты со сказки-то платишь? снова спросилъ онъ.

— Нужа мужичье-то дѣло, другъ, а-а-ахъ, нужа великая, произнесъ, не отвѣчая на вопросъ его, Романъ Васильевичъ.

— А мы сложа руки хлѣбъ-то ѣдимъ, а?

— Извѣстно, купцу одна работа: деньги считай, да брюхо рости! язвительно вмѣшался Кулекъ.

— А-а... и ты-бъ, коли завидъ беретъ на купеческое трудолюбіе, нажилъ-бы капиталъ и занялся-бы этимъ дѣломъ, аль не въ моготу? Ты вотъ лучше, чѣмъ энти присказки-то на уши мотать, безъ грѣха-бы расчитался со мной?

— Похвалился самъ взять и бери! отвѣтилъ ему Кулекъ.

— Своихъ-то рукъ, стало быть, нѣтъ у тебя на отдачу-то, а на то выросли, штобъ только въ заемъ брать.

— И свои есть, да не поднимутся у робятъ-то малыхъ кусъ урвать... ихъ энтотъ кусъ-то... и-ихъ!

— Деньги-то, помнится, ты на себя бралъ — не на робятъ.

— И бери! рыбу бери! я не стою! тебѣ болѣ надоть!

— Слышь? Голова, отдаетъ, такъ чего-жъ?

— Безъ препоны... бери! рѣшительно повторилъ Кулекъ.

— Возьмемъ, не затрудимъ тебя, не сумняйся! съ ироніей отвѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ,—а ты, коли добромъ отдаешь, покажи ее, гдѣ она!

— Не касающе меня энто дѣло—ты-жъ сказалъ, што не я хозяинъ, а ты!.. А хозяинъ самъ долженъ знать, гдѣ его добро лежитъ. И отойдя къ печи, онъ сѣлъ на скамью и, опустивъ голову, обхватилъ ее руками.

Всѣ молчали.

— Энто докедова-жъ будетъ, а? Голова!..

— А-а-ахъ, отступиться-бъ! произнесъ Романъ Васильичъ, махнувъ рукой.—Кулекъ, а-а, Кулекъ, ну тѣ къ Богу, ра-азвяжись за одинъ конецъ, можетъ и тебѣ Богъ на твою долю пошлетъ!

— Я не хозяинъ своего добра, меня и не спрашивай: веди ихъ въ амбаръ, пусть грабятъ! обратился онъ къ женѣ, все время молча стоявшей у печи, грустно подперши рукою щеку и время отъ времени утирая передникомъ накатывающіяся на глаза слезы.

— Молча взявъ изъ-за печки ключъ, она вышла изъ избы, хлопнувъ дверью. Петръ Матвѣевичъ поднялся съ лавки и пошелъ за ней, а за нимъ и Романъ Васильичъ. Выходя изъ избы, онъ взглянулъ на Кулька, сидѣвшаго въ томъ-же положеніи, и остановился, но, покачавъ головой, вздохнулъ и молча вышелъ.

На дворѣ ихъ ожидали Авдѣй и Семенъ. Отворивъ амбарушку, стоявшую у заборчика изъ плетня, жена Кулька

прислонилась къ нему и, закрывъ лицо передникомъ, зарыдала. Романъ Васильевичъ, стоя въ сторонѣ отъ нея, то качалъ головою, то, подъ вліяніемъ волнующей его мысли, махалъ рукой и хотѣлъ сказать что-то, но произносилъ одно только: а-а-ахъ! Но что выражало это ахъ:—раскаяніе-ли о своемъ вмѣшательствѣ, сожалѣніе-ли къ нуждѣ Кулька, или сознаніе собственной безпомощности—трудно было опредѣлить. Вообще трудно угадать, что думаетъ русскій мужичекъ, произнося какое-нибудь любимое имъ междометіе или почесывая въ затылкѣ. А Петръ Матвѣичъ не уставалъ тѣмъ временемъ хозяйничать: опытной рукой выбиралъ онъ зарытыхъ въ снѣгъ, набросанный въ амбарушкѣ, осетриковъ, чалбышей, нелемъ. Попадалъ-ли ему подъ руку крупный муксунъ, онъ бралъ и муксуна. Выйдя изъ избы и прислонясь къ косяку двери, Кулекъ молча глядѣлъ, какъ Семенъ и Авдѣй нагружали полы своихъ полушубковъ отборной рыбой и складывали ее въ розвальни. Лицо его горѣло, въ глазахъ выражалась безсильная злоба, а судорожное подергиванье угловъ губъ доказывало, что, несмотря на всю его сдержанность, нервы его усиленно работали.

— Не забылъ-ли чего оставить, оглянись! съ злою усмѣшкою спросилъ онъ, когда Авдѣй и Семенъ съ грузомъ рыбы, сѣвъ въ розвальни, отъѣхали отъ воротъ и Петръ Матвѣичъ направился къ калиткѣ.

— Не ушаришь, лаконически отвѣтилъ онъ.

— Пошли тебѣ Господи грабленное-то въ прокъ положить.

— Не брезгливы! намъ все въ прокъ, тѣмъ-же тономъ

отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ, выходя вслѣдъ за Романомъ Васильевичемъ въ калитку. — Захаживай, коли пристегнетъ напасть-то! крикнулъ онъ, затворяя ее за собою.

Кулекъ присѣлъ на крылечко и, опустивъ голову, заплакалъ. Грустно видѣть, когда плачетъ ребенокъ, не сознающій серьезныхъ невзгодъ жизни, горе котораго такъ-же мимолетно, какъ тѣнь отъ облака, набѣжавшаго въ ясный солнечный день. Прошла минута, исчезла тѣнь и онъ еще съ невысохшими слезами на глазахъ улыбается и рѣзвится, забывъ о горѣ. Но скорбно видѣть, когда плачетъ взрослый человѣкъ тѣмъ тяжелымъ грудным плачемъ, который сильнѣе недуга подтачиваетъ силы и часто оставляетъ на всю жизнь неизгладимые слѣды въ чертахъ лица и въ характерѣ. Вотъ этимъ-то надрывнымъ плачемъ отъ шумоой Волги до пустынныхъ Оби и Енисея нерѣдко оплакиваетъ русскій мужичокъ свою горькую долю, свою безъисходную нужду!

Покончивъ съ своими должниками, Петръ Матвѣичъ съ наступленіемъ сумерокъ, когда въ селѣ стала стихать дневная дѣятельность и меньше встрѣчалось на улицахъ народа, прошелъ позади дворовъ въ волостное правленіе, гдѣ жилъ волостной писарь Борисъ Федоровичъ Мошкинъ, около пяти лѣтъ самовольно управлявшій волостью. Человѣкъ онъ былъ угрюмый, молчаливый и ходилъ постоянно съ подвязкою на щекѣ, снимаемой имъ только въ дни пріѣзда исправника и другихъ властей. Зная его вліяніе на общественныя дѣла, каждый торговецъ, пріѣзжавшій на Юровую, считалъ долгомъ приносить ему извѣстную дань, съ которою пришелъ теперь и Петръ Матвѣичъ. Свиданіе

ихъ было весьма продолжительно и, должно быть, по своимъ результатамъ пріятно для Петра Матвѣича, такъ что, возвратившись домой, онъ долго сидѣлъ и улыбался, барабаня всевозможные знакомые ему мотивы и насвистывая: „я посѣю, сѣю, млада молоденька!“ Когда-же хозяйская племянница, стройная, краснощекая дѣвушка, внесла ему ужинъ, онъ, забывъ свою степенную солидность, неожиданно щипнулъ ее за одинъ изъ концевъ шейнаго платка, падавшаго на высокую грудь, заставивъ ее отъ этой любезности вскрикнуть и присѣсть.— А-а-а, испужалась? со смѣхомъ произнесъ онъ:—А-ахъ ха-ха-а, а ты-бы молодка того... около старика-то пообихаживала, у старика-то карманъ то-о-олстъ, э-эхъ-хе-хе-е, горячая жилка.“ И онъ снова хотѣлъ повторить свою любезность, но горячая жилка, стыдливо закрывшись передникомъ, убѣжала и болѣе не возвращалась.

Вскравшееся въ умъ Романа Васильевича сомнѣніе въ законности установленной крестьянами таксы на рыбу не покидало его. Выбравъ первую-же свободную минуту, онъ пошелъ къ писарю съ намѣреніемъ вывѣдать его мнѣніе, но, не подавая вида о настоящей цѣли своего посѣщенія, издалека, стороной, между разговоромъ, коснулся этого вопроса, намекнувъ и на то обстоятельство, „какъ-де, есть-ли что въ законѣ касательно этакихъ бунтовъ и точно-ли казна потерпитъ отъ этого ущербъ“! И Борисъ Федоровичъ, зараньше уже подготовленный дальновиднымъ Петромъ Матвѣевичемъ, съ первыхъ-же словъ сказалъ ему: —„есть“! и

что „стачки, устанавливаемыя скопомъ, воспрещены“, „и если они не примутъ своевременныхъ мѣръ противъ нее, то дѣло можетъ принять для нихъ весьма непріятный оборотъ“, и, въ подкрѣпленіе своихъ словъ, вычиталъ ему тѣ статьи закона, гдѣ говорилось о стачкахъ и о возмущеніяхъ, производимыхъ скопомъ. Романъ Васильевичъ, недовѣрявшій Петру Матвѣевичу, не ожидалъ подобнаго извѣстія. Но передъ такимъ авторитетнымъ аргументомъ, какой привелъ ему Борисъ Федоровичъ, онъ растерялся, упалъ духомъ, и, по обыкновенію, посѣтовалъ и на свою долю, и на общество, избравшее его головой.

Результатомъ происшедшаго между ними совѣщанія о принятіи предохранительныхъ мѣръ было то, что на другой-же день въ волости назначили сходку, на которую повѣстили всѣхъ крестьянъ-рыбопромышленниковъ. Самые бѣдные, въ родѣ Кулька, Вялаго и Кондратія Савельича, не оповѣщались: всѣ знали, что они придутъ и безъ повѣстки потолкаться въ толпѣ, послушать, о чемъ говорятъ болѣе зажиточные, и потомъ поднять вверхъ правую руку, утверждая этимъ принятымъ въ быту ихъ жестомъ то мнѣніе, которое установитъ меньшинство ихъ. Въ этой бѣдной, забитой жизни капиталъ играетъ еще большую роль, чѣмъ гдѣ-либо, подавляя всякую правдивую мысль, если она родилась въ умѣ бѣдняка, одѣтаго въ оборванный полушубокъ и такіе-же бродни.

Несвязно, запинаясь на каждомъ словѣ, произнесъ вступительную рѣчь Романъ Васильевичъ, объясняя собравшемуся обществу незаконность составленной ими таксы. Всѣ внимательно слушали его, тѣснясь за рѣшеткой, отдѣ-

лявшей волостное присутствіе отъ остальнаго пространства, предназначеннаго для сходокъ. Внимательно слушалъ его и Борисъ Федоровичъ, стоя, по обыкновенію, съ подвязанной щекой у стола, покрытаго чернымъ сукномъ и заваленнаго бумагами и пакетами. Никто въ толпѣ во время его рѣчи не шелохнулся, и каждое слово его отчетливо доносилось до ушей стоявшихъ даже у порога. Скрестивъ на груди руки, слушалъ его и Иванъ Николаевичъ, выдвинувшійся впереди всѣхъ, при началѣ ея.

— Ты о чемъ это говорилъ-то, не во гнѣвъ тебѣ, спрошу я?.. произнесъ онъ, когда Романъ Васильевичъ замолчалъ и отиралъ полою новаго суконнаго зипуна вспотѣвшій лобъ и ладони у рукъ.—Я, признаться, слушалъ, да што-то въ толкъ не взялъ?

— Народъ-то вотъ не надоть мутить, Иванъ Николаичъ! съ сердцемъ отвѣтилъ онъ:—вотъ я къ чему!

— Такъ тебѣ-бы такъ и сказать, короче-бы дѣло! А кто-жъ ихъ мутитъ?

— На міру-то про тебя говорятъ!

— По твоему выходитъ, у всего-то крещонаго міра и разуму своего нѣтъ, а? съ ироніей спросилъ онъ.

— Міръ-то нашъ, Иванъ Николаичъ, што скворя, *) все болѣ съ чужого голоса поетъ. Ужь не тебѣ-бы и пытать объ этомъ, ты самъ пытанный! Ты вотъ и теперь первый заговорилъ, а всѣ молчатъ, стало быть оно и касающе тебя!.. Ты, Иванъ Николаичъ, къ слову сказать, помутилъ мірскимъ-то разумомъ, да и въ сторону, а мы въ отвѣтѣ!

*) Скворецъ.

— Въ чемъ-же отвѣтъ-то твой будетъ, ну-ко?

— Въ попущеніи бунта!

— Бунта-а-а! съ удивленіемъ произнесъ онъ.

— Въ такцѣ вашей, да въ казенномъ ушшербѣ.

— Гора-то какая выросла и глазомъ не окинешь, а? Заварили-же мы, братцы, кашу волостнымъ на расхлебу, съ ироніей обратился онъ къ обществу, все время молча слушавшему ихъ.—При какомъ-же тутъ дѣлѣ казна-то? снова спросилъ онъ.

— Ушшербнетъ.

— Отчого-бы это казнѣ-то ушшербнуть, отвѣть-ко? Кажись, сама деньги-то дѣластъ.

— Иванъ Николаичъ, ты взялся говорить, такъ словами-то не играй, здѣсь волость, сходъ! серьезно замѣтилъ ему писарь.—Здѣсь слово-то говори съ оглядкой!

— А тебѣ-бы, Борисъ Федорычъ, на мой умъ подвязать языкъ надоть, а не ланиту. Ты меня-то не учи! Я самъ порядокъ-то знаю! Ты не болѣ, какъ наемникъ нашъ, твое вотъ дѣло писать, что голова тебѣ прикажетъ, да общество. А свое-то слово въ мірскую рѣчь бросать не доводится. Аль языкъ-то тебѣ Петръ Матвѣичъ наточилъ, а? Нутко, скажи намъ, кому это онъ въ волось, по задворьямъ-то хоронясь, узелъ вчера несъ, што доброй бабѣ и на коромысло не зацѣпить, а?

Борисъ Федоровичъ покраснѣлъ и, отвернувшись въ сторону, закашлялся и поправилъ повязку.

— А-а-а! Видишь, сладкіе-жъ гостинцы-то, и перхоть взяла, съ юморомъ замѣтилъ Иванъ Николаевичъ.

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Доѣхалъ... то-ись... и мужикъ-же... а-ахъ ты, братецъ! раздались въ ней одобрительные отзывы.

— Иванъ Николаичъ, ты ужъ былъ въ наукѣ! вступился Романъ Васильичъ, покачивая головой.

— Былъ, Романъ Васильичъ, былъ... освѣтился! тѣмъ-же тономъ отвѣтилъ онъ.

— Што, птица, за рѣшотчатыми окнами сидѣлъ?

— Сидѣлъ, Романъ Васильичъ, сидѣлъ, да тамъ и правду-то щебетать научился! А корить-то этимъ при обществѣ нечего, не за воровство сидѣлъ, а за правое дѣло, што свѣча предъ Богомъ... По-омни... всѣ мы подъ Богомъ... отъ тюрьмы, да отъ сумы...

— Не корю я тебя, дру-у-гъ, прервалъ онъ,—а грѣхъ-бы, говорю, другихъ-то совать въ энти палаты...

— Кого-жь я сую-то, а?

— И общественниковъ, и насъ...

— О-о-о! А я ужь испужался, думалъ, не Бориса-ли Федорыча; такъ онъ, Романъ Васильичъ, и безъ чужой помоги своимъ умомъ до энтихъ-то палатъ доживетъ. Гостинцы-то на ѣду скусны, да отрыжка-то съ нихъ о-о-ой... худая живетъ! А ѣстъ, ѣстъ, да и придетъ часъ отрыгнуть! А ты-бы, Романъ Васильичъ, послушалъ моего стараго ума, лучше-бъ было, коли за общество стоялъ. Съ нами тебѣ жить-то доведется, о-ой, съ нами! Скажи-ко ты мнѣ, чѣмъ я подъ иго-то подвожу, а?

— Не ты-ль на такцію общество-то подбилъ, а?

— Я! я! Такъ энто и есть иго-то... бунтъ-то?

— Бунтъ!

— Если я, къ примѣру, слѣпому дорогу покажу — и бунтовщикъ, а? Да гдѣ-же про это писано?

— Въ законѣ!

— Неужь въ законѣ не велѣно, штобы мужикъ по своей цѣнѣ свое кровное добро продавалъ, а?

— По своей-то цѣнѣ, повторилъ Романъ Васильичъ и, задумавшись, почесалъ въ затылкѣ.—Не велѣно! утвердительно, наконецъ, отвѣтилъ онъ.— Не велѣно! снова повторилъ онъ тѣмъ-же тономъ. — Положенье такое: такціямъ запретъ, а кольми того, говоритъ, скопомъ!

— Ско-опомъ! энто што-жъ за слово?

— Слово... самое... въ законѣ прописанное... законное слово! пояснилъ онъ.

— А-а! Такъ по закону-то такъ надоть, значитъ: если рыба мнѣ стоитъ два съ полтиной пудъ, то я долженъ отдать ему по его цѣнѣ, а не по моей!

— Не то ты говоришь, Иванъ Николаичъ, прервалъ писарь, все время молчавшій послѣ происшедшей съ нимъ сцены.—Поймите, обратился онъ къ обществу, избѣгая проницательнаго взгляда Ивана Николаича, — законъ не воспрещаетъ продавать свое добро по какой хошь цѣнѣ, а воспрещаетъ токмо такціи... самовольныя стачки скопомъ, къ примѣру будучи сказать, какъ вы установили обчествомъ, если отъ нихъ предвидится казнѣ ушшербъ. Во-отъ что законъ-то гласитъ, поняли-ль?

— Ты растолкуй, какой казнѣ-то ушшербъ отъ нашихъ цѣнъ? спросилъ его Иванъ Николаичъ.

— И Какъ ты это въ толкъ не возмешь спросить: „собрали-ль мы подать-то“? укоризненно качая головой, вмѣшался Романъ Васильичъ.

— Не мое дѣло казенный сундукъ считать. Ты голова, ты и блюди!

— Ты-бы спросилъ, многоль мы собрали-то ея. Мы и первой-то половины не очистили, а второй-то и не начинали; такъ энто казнѣ не ушшербъ?

— Ушшербъ!

— А собрать-то ее когда-же, а?

— Поторгуетъ міръ на юровой, справится и очиститъ грѣхи... Подожди! не вдругъ!..

— То-то не поторгуетъ!.. Въ лонскіе-то годы помнишь. Торговцы до ярмонки грузили возы рыбой, да отправляли. Мы до ярмонки-то бывало сборныя книги очищали, а нонѣ кто продалъ ее, рыбу-то, окромя наѣзжихъ крестьянъ, а? Принесъ-ли изъ нашихъ-то юрьевцевъ кто въ подать-то хоша копѣйку, а? а вѣдь ужь завтра ярмонка... Къ вечеру, гляди, ужь торговцы-то въ обратный путь соберутся. Вы такцію-то установили, а не спросили того, кто купитъ по ней. Въ самые што ни есть неуловные года хрушкая-то рыба свыше девяти гривенъ, да рубля съ пятакомъ не поднималась, а вы два съ полтиной заломили, а? И думашь, купятъ...

— Купятъ! спокойно и твердо отвѣтилъ ему Иванъ Николаичъ.

— А кто купитъ-то... Смотри, вѣдь ужь наѣзжіе-то

крестьяне всю рыбу продали; купцы-то ужь наторговались! Такъ кто-жъ купитъ ее у нашихъ-то?

— Гуртовшикъ тотъ-же, Петръ Матвѣичъ, а для ча онъ по твоему, когды ужь всѣ мелошники-то скупили ее у наѣзжихъ, наторговались до сыта, а онъ не скупалъ... И дононѣ все сидитъ, да ждетъ, а?

— Ну, а не купитъ, закапризится, поставитъ на своемъ, а? Тогды кому ее продашь, а? Да онъ, слыхъ есть, и торговать-то ей болѣ не хочетъ!

— Купитъ! небось... отвѣтилъ Иванъ Николаичъ, неизмѣняя тона, — купи-и-итъ! Теперя-то онъ съ непривычки ломается, говоритъ, что торговать ей не хочетъ, мужичьихъ поклоновъ ждетъ, а увидитъ, што неподдаемся, и купитъ, и пять рублевъ положь за пудъ, и за пять купитъ! Неужь ты думашъ, онъ на ярмонку ѣхалъ на грошъ продать, да на два въ долгъ отпустить, а? Нѣ-ѣтъ ему рыба надоть, рыба-а!.. За рыбой онъ ѣдетъ, а ярманки-то хоша-бы и вѣкъ для него не бывало. Гдѣ онъ возьметъ ее теперя, опричь насъ, а? Съ обскихъ промысловъ што-ль? нѣ-ѣтъ, тамъ купцы-то тысячники плаваютъ, почишше его, да коли онъ и купилъ какія крохи, то ужь израсходовалъ въ постъто, тутъ масляная надъ головой, да съизнова постъ, расходъ на рыбу-то, успѣвай повертываться, а ему не поторговать-то, и хлѣба не видать, тоже ѣсть хочетъ, а гдѣ, говорю, онъ возьметъ-то ее теперя, опричь насъ, а? Ну-ко? Торговать ей не хочетъ болѣ... хе... слушай ты его, онъ и не то исшо скажетъ! Коли-бъ онъ ей торговать не хотѣлъ, не надоть была ему рыба, такъ для чего-бы онъ это меня-

то къ себѣ призывалъ, да ульщалъ всякими дарами, штобы я цѣну сбилъ, а не съ его-ли голоса и ты говоришь о бунтѣ, да казенномъ ушшербѣ, а-а-а? А это ты какъ полагаешь, не казенный ушшербъ, што мы съ дурпости своей въ лонскіе-то годы што ни есть хрушкую-то рыбу по семи, да по восьми гривенъ пудъ отдавали ему, а онъ торговалъ ей по три съ полтиной, да по четыре съ гривнами пудъ, а? Ну-ко, сколь лихвы-то, тряхни-ко ерихметикой-то? Казенный-то ушшербъ теперя, на мой умъ, будетъ, коли мы ему по старымъ-то цѣнамъ отдадимъ, да-а! Разведи-ко умомъ-то, вѣдь мы казенные люди-то. Казнѣ-то избытошнѣе, коли мужики-то въ прохладѣ живутъ, не жуютъ хлѣба, слезой поливаючи. Вотъ какъ мы энтой-то цѣны попридержимся, такъ гляди-ко, чего будетъ?... Бѣдность не будетъ голодать, казеннаго недоимка не станетъ рости на ней, какъ грибы отъ дождя, тысячами! И тебѣ-то безъ горя, ты не будешь ее за казенну-то подать въ заработки отправлять, въ конецъ-то зорить ее. Бѣдность-то выправится, да сама уплотитъ ее безъ слезъ! А коли мы поддадимся, то ему—и ушше-е-ербъ казнѣ, не соберешь ее, подати-то, и будетъ богатому-то раззоръ, а бѣдности-то одни ужь слезы... только ему нажива! На-а-жива ему, Романъ Васильичъ, на наши-то труды! На него-то онъ и брюхо роститъ. Возьме-е-етъ... и послѣдне возьметъ, какъ у Кулька, да у Вялаго, и спасиба не скажетъ. Вотъ ты за што Кулька-то да Вялаго въ раззоренье-то отдалъ, а? А голова-а! Намъ-бы долженъ защиту дать, а ты вонъ какой распорядокъ-то сдѣлалъ. Грѣ-ѣ-хъ тебѣ, Романъ Васильичъ, грѣ-ѣ-хъ!

Романъ Васильевичъ покраснѣлъ и, съ смущеніемъ разведя руками, хлопнулъ ими по бедрамъ.

— А-а-ахъ! произнесъ онъ, качая головой, — не другъ ты мнѣ, не другъ, Иванъ Николаичъ.

— Не та дружья рука, Романъ Васильичъ, что только гладитъ, а та, што и бьетъ, подчасъ на міру-то говорятъ! отвѣтилъ онъ. — А рыбу-то онъ все-таки купитъ у насъ безъ ушшерба казнѣ, не сумняйся! заключилъ онъ.

Изъ толпы во все время рѣчи его не возвысился ни одинъ голосъ; изрѣдка только среди невозмутимой тишины проносился легкій шопотъ или вздохъ, и затѣмъ снова все замирало. Романъ Васильевичъ задумался и, наконецъ, покачавъ головой, съ тревогой въ голосѣ, произнесъ:

— А какъ не купитъ, заломается...Тогды-то какъ?

— А нѣшто въ городъ-то самимъ везти пути заказаны, а?

— Это за триста-то верстъ... харчиться, да убыточиться! раздался вдругъ голосъ. — Да исшо кому ее продашь тамъ? Тому-же Петру Матвѣеву.

И Романъ Васильевичъ, и Иванъ Николаевичъ оглянулись въ ту сторону, откуда послышался возвысившійся голосъ, пробѣжавшій въ толпѣ электрической искрой. Толпа вышла изъ пассивнаго состоянія, точно разбуженная имъ, и заколыхалась.

— Спросилъ-бы, на чемъ исшо другой повезетъ-то, заговорилъ сѣдой, приземистый старикъ. — У меня вонъ одна лошадь, да и та исшо по осени копытомъ въ колесо угодила, да все сорвала. И вези-и-и.

— Сытымъ-то, Парфенъ Митричъ, и въ городъ путь!

— И-и... Тощему-то брюху только всякая дорога длинна.

— Ты дѣло говорилъ, Романъ Васильевичъ, среди общаго безпорядочнаго говора крикнулъ высокій, сутоловатый крестьянинъ въ оленьей дахѣ, постепенно проталкиваясь изъ толпы къ рѣшеткѣ.—Завтра ярмонка, а спроси, есть-ли у кого изъ крешшонаго міра грошъ за душой... а вѣдь мы и живемъ только отъ ярмонки; у насъ одинъ разъ въ годъ урожай-то на деньги. Гляди-ко, иные-то до нитки обносились, у другой обутки безъ подошвъ, а нашто ихъ купить-то. А хоша-бъ подушную таперя... Да што толковать! заключилъ онъ, махнувъ рукой,—не путную кашу заварили... А въ городъ-то везти—ну-ко, испробуй съ пустымъ-то карманомъ триста верстъ отмѣрять, за одинъ кормъ лошадямъ душу заложишь... да у кого исшо кони-то есть. А тамъ-то жди, когды ее по фунтамъ-то продашь! А гуртомъ-то кому? тому-же Петру Матвѣеву, а ужь коли онъ здѣсь на своемъ стоитъ, такъ ужь тамъ гляди-ко, насолитъ-то!

— Э-э... семи бабамъ подолами не выгрести! прервалъ его голосъ изъ заднихъ рядовъ.

— А-а-ах-ха-ха-а! загомонила толпа.—И ей-Богу вѣрно... Семи бабамъ... ну, и сло-о-ово!

— Вѣрно.. а-а-ахъ какъ вѣрно. Ты, Иванъ Николаичъ, съ фортуной мужикъ, усиленно возвысивъ голосъ, крикнулъ ему тщедушный старикъ, барахтаясь въ толпѣ.—И голова мужикъ!

— Мужикъ да ума-то...

— Ума ло-о-хань!

— И за міръ онъ, братцы, стоитъ, и ей-Богу.

— Сосенка!.. Взыщи его Господи!

— А-а-хъ, Иванъ Николаевичъ, какъ ты насъ объѣхалъ, ну-у-у, поддъѣлъ не причь купца. Пошли тѣ Господи фортуны, послушали тебя на свою шею, чуть не въ голосъ укоряла его расходившаяся толпа.

— Да дай тебѣ Господи, Романъ Васильевичъ, вѣку и тебѣ, Борисъ Федорычъ,—то-сь пошли вамъ Господи за науку вашу,—за мірское радѣнье. И продадимъ мы рыбу съ вашего слова по благословенію!

И слился этотъ говоръ въ общій гулъ, въ которомъ терялась всякая нить хотя какой-нибудь мысли. Иногда еще ухо могло уловить рѣзко проносившіяся отдѣльныя слова: „харчи“, „убытки“, „пошли Господи,“ „копыто“ и т. п.

Романъ Васильевичъ зардѣлся яркимъ румянцемъ отъ сыпавшихся на его похвалъ и благословеній, и въ самодовольномъ смущеніи растерялся, не зная, куда смотрѣть, что говорить. Но Иванъ Николаевичъ замѣтно поблѣднѣлъ. Среди посыпавшихся градомъ укоровъ, онъ не проронилъ въ свое оправданіе ни одного слова и только съ грустною задумчивостью смотрѣлъ на волнующуюся толпу.

— И правду ты, Романъ Васильевичъ, сказалъ, произнесъ, наконецъ, онъ, качая головой, — ира-авду: общество наше, што скворя! Прости, што пообидѣлъ тебя, хотѣлъ съ дураками пиво варить, да сколь не вали въ него хмѣлю, оно все солодитъ, а въ солодѣломъ и проку нѣтъ!

И, повернувшись, онъ медленно сталъ пробираться въ толпѣ къ дверямъ и вышелъ незамѣченнымъ въ разгарѣ бушевавшихъ толковъ.

Пошто-же вы это не выдержали, въ отпоръ-то пошли, а? спросилъ Петръ Матвѣичъ пришедшихъ къ нему въ тотъ-же день крестьянъ съ предложеніемъ купить у нихъ рыбу.—А я-то было порадовался за васъ; пушшай, думалъ, поторгуютъ, поправятся, своимъ умомъ поживутъ!

— Пожили своимъ-то умомъ, будетъ, на-агрѣлись! отвѣтилъ ему Парфенъ Митричъ, тотъ самый сѣдой старикъ, у котораго еще по осени лошадь попала копытомъ въ колесо.

— Скоро-же надоѣло вамъ, нечего сказать, съ ироніей замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

— Умомъ-то жить надоть, штобъ въ карманѣ было, а карманъ пустъ—такъ не поживе-ешь! Брюхо-то заставитъ по чужой пикулѣ плясать.

— Нешто вы голодны, на брюхо-то жалитесь, а? спросилъ онъ.

— Сыти-бы были, не шли-бы къ тебѣ съ поклономъ! Плакать-то, да кланяться, Петръ Матвѣичъ, никому не сладко, слезы гонятъ! говорилъ Парфенъ Митричъ, стоя впереди всѣхъ.

— Рыба первѣющая по губерніи, а все мало, все голодны, все плачетесь, наро-одъ-же вы!

— Жирна рыбка-то, не по нашему рту!

— Пріѣлась? Ну оно точно, осетрина-то отбиваетъ! съ ироніей отвѣтилъ онъ, барабаня пальцами по столу.

— И не пробовали!

— А-а!.. такъ вы испробуйте и поглянется, чѣмъ безъ пути на голодъ-то жалиться. Вонъ Иванъ Николаевъ, и

видать мужикъ съ умо-омъ: „Я, говоритъ, самъ съѣмъ“ и гляди, въ тѣло войдетъ! И вамъ-бы, по моему...

— А-а штобъ ему пусто! пронеслось вмѣсто отвѣта въ толпѣ.—Ты и не поминай намъ объ немъ, осерчаемъ!

— За што-бъ это?

— Подъѣлъ онъ насъ, а-а-ахъ! всплеснувъ руками, отвѣтилъ ему Парфенъ Митричъ.—Не причь татя!

— Иванъ-то Николаевъ? съ притворнымъ удивленіемъ, спросилъ Петръ Матвѣичъ.—Да чѣмъ-же, мужикъ-то онъ ровно обстоятельный, а?

— Неужъ ты не слыхалъ?

— Въ первой! неизмѣняя себя, отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ.

— Чудно, какъ это ты не слыхалъ? съ недовѣріемъ спросилъ Парфенъ Митричъ, пристально посмотрѣвъ на него.—Наговорилъ-то онъ намъ много, да безъ пути, началъ онъ;—не продавай, говоритъ, своей рыбы ни по чему Петру Матвѣеву, установь свою цѣну, а на его улещенія души не клади. Придетъ, говоритъ, самъ придетъ и склонитъ выю!

— Я-то это? прервалъ его Петръ Матвѣичъ.

— Ты... ты намъ-то будто, мужикамъ!

— Гляди-жъ!.. Хе... А вы и послушали?

— Послушали! Опричь насъ ему рыбы-то, говоритъ, негдѣ взять, продолжалъ онъ,—и придетъ, придетъ, говоритъ, и поклонится. И куды это дѣвался у насъ на ту пору умъ-то, а-а-ахъ ты, братецъ мой, а? Не диво-ли! Ну, и не продавали, стояли на своемъ. И торговали ее у насъ—

упорствовали и достояли, другъ мой, што у иного таперь, вмѣсто прибыли-то, слезы! Вотъ онъ чего подѣлалъ съ нами, провалиться-бы ему!

— И не слыхивалъ! прервалъ его Петръ Матвѣичъ.— Оно точно, я зналъ, што вы цѣны-то подняли и стоите на нихъ, да полагалъ, што вы сами энто въ задоръ вошли, а штоба Иванъ Николаевъ васъ подбилъ до меня, и слуху не доходило! Такъ вы все это время и ждали моихъ поклоновъ, а?

— И ждали!

— Не-е-е-зналъ, други, а то зашелъ-бы, поклонился-бы, и, ей-Богу. Што-жъ, шея-бъ не сломалась, съ ироніей произнесъ онъ.—Экое горе-то, а?

— Дождались-бы не того исшо на свою голову, снова прервалъ его Парфенъ Митричъ, — да пошли Богъ вѣку головѣ да писарю, въ разумъ-то ввели, а то-бы, голубь, сѣлъ намъ Иванъ-то Николаевичъ на шею, о-о, сѣлъ-бы! Твердитъ одно: безпремѣнно купитъ, и пять рублевъ, говоритъ, положъ,—и за пять купитъ.

— А што, други, въ правду-то сказать, онъ, пожалуй, и вѣрно говорилъ вамъ, началъ Петръ Матвѣичъ послѣ непродолжительнаго раздумья.—Гдѣ-бы мнѣ, въ самомъ-то дѣлѣ, купить ее, а? Если-бы, какъ въ лонскіе годы, рыба-то мнѣ попадобилась?.. Вѣдь негдѣ! Я вамъ и говорю-то это теперя на тотъ случай, што меня ужь это дѣло не касающе. Мнѣ не покупать ея, рыбы-то, я и торговать болѣе не хочу ей и заѣхалъ-то будто счеты свести!

Крестьяне, въ свою очередь, съ недоумѣніемъ выслу-

шали его, не понимая цѣли, къ которой клонились его слова.

— Не въ руку она мнѣ што-то пошла и-и Богъ съ ней! Бумажнымъ товаромъ позаймусь, продолжалъ, между-тѣмъ, Петръ Матвѣичъ, съ раздумьемъ барабаня пальцами по столу.—А вамъ-бы, на мой умъ, право, не торопиться продавать-то ее постоять-бы исшо за свои-то цѣны. Придетъ исшо— не я, такъ другой, кто ни на есть, и поклонится, можетъ; тогды и помянете Ивана-то Николаевича, а и ждать-то много-ль? Завтра ярманка, къ вечеру, гляди, и въ обратній будутъ собираться.

— Обожди, легко это говорить-то, Петръ Матвѣичъ! вступился сутуловатый крестьянинъ, первый поднявшій въ волости голосъ противъ Ивана Николаевича.—Неужъ мы, по своему-то, не смѣкаемъ-же, што Иванъ-то Николаевичъ, и правъ, пожалуй, да вѣдь нужа, другъ! Ждать-то тогды ладно, когда въ карманѣ не свербитъ, а вѣдь завтра ярмонка, а мы ей живемъ, въ нее-то и подушную заплотишь, и обуешься, и одѣнешься, и всякаго запасу прикупишь! Гляди-ко!—И, поднявъ ногу, онъ показалъ ему прорванный бродень.—А вѣдь ихъ купить надоть, а на чего купишь-то? Спроси, есть-ли у кого въ міру-то хоша мѣдный грошъ за душой, а? И продашь, продашь за дешево ее, только купи-и, нужа-то не терпитъ! Иной ужъ слезми отъ нее обливается, а у иного, што ись и хлѣба-то нѣтъ, какъ у меня вотъ, а семья, семья, сизый... Всѣ пить, ѣсть хотятъ! И у хлѣба сидимъ, не погнѣвимъ Бога, да хлѣбъ-то энтотъ не по насъ, неужъ ты думашь, и мы-бы не по-

ѣли рыбки-то? Поѣли-бъ и какъ-бы исшо поѣли. Отъ сладкаго-то куса никто ротъ не отворотитъ, да вотъ ты сьѣшько ее, испробуй, такъ чѣмъ подушную-то справишь? чѣмъ по домашности дыры-то заткнешь? А много дыръ-то, о-охъ, много! Успѣвай только конопатить! Иной-бы и въ городъ чего свезъ, нашлось-бы, по домашности-то, да куды повезешь-то? Триста-то верстъ отмѣрять на одной-то животинкѣ— нагрѣешь ноги, и безъ пути нагрѣешь-то ихъ; што и выручишь, все на прокормъ тебѣ да лошадушкѣ уйдетъ, а домой-то съизнова пріѣдешь ни съ чѣмъ и проѣздишь-то не мало время, а кто робить безъ тебя дома-то будетъ? А вѣдь домашность тоже не ждетъ, иное время часъ дорогъ. Вотъ и суди мужичье-то дѣло. А ты лучше помоги намъ, купи-и, вѣкъ за тебя богомольщики-то? заключилъ онъ.

— И радъ-бы, Ермилъ Василичъ, помочь, вѣрю я вамъ отвѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ, — да, вишь, торговать-то рыбой не хочу болѣ, въ лонскіе-то годы, самъ знашь, за мной дѣло не стояло, пе-е-ервой былъ покупатель-то!

— И, напасть! прервалъ его Парфенъ Митричъ, всхлопнувъ руками по бедрамъ. — Да нѣ-ѣтъ, это ты балуешь, пужаешь только насъ, што не покупаешь рыбы-то, а?—И онъ посмотрѣлъ на него съ выраженіемъ мучительнаго безпокойства въ лицѣ.

— Не маненкой я, Парфенъ Митричъ, въ темную-то играть! замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ. — Да што рази опричь меня некому продать-то ее, а-а? спросилъ онъ.

— Было-бы кому, и не докучали!

— Эвонъ сколь народу наѣхало, да некому, а-а-ахъ ты сѣдой статуй!

— Не ахтительный народъ-то!

— О-о! Чемъ-же? народъ все съ деньгой!

— Въ карманахъ-то не шарили, можетъ, и съ деньгой, да мелошники.

— На свалъ-то не берутъ?

— Про свою пропорцію купили, одно и поютъ!

— Ну, это горе! отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ.

— Всплачешь!

— Помочь-то вамъ чѣмъ-бы, это какъ на грѣхъ ровно я и денегъ-то съ собой не захватилъ, говорилъ онъ, задумчиво глядя въ уголъ;— право грѣхъ, да у Силантія-то Макарыча вы были? спросилъ онъ.

— Были, не обошли!

— А-а-а! Онъ-то чего-же говоритъ?

— Накупился!

— Успѣлъ!... Ну да кулакъ-мужикъ, своего не упуститъ. А вы къ Терентію Силину сходите, можетъ, онъ!

— Сходи-ко поди! въ за-ашей посулилъ!

— А-а-ахъ-ха-ха-а! Да онъ ровно тихій мужикъ-то?

— Всѣ они тихіе... Ходи, говоритъ, около, а за порогъ ни-ни. Потому, говоритъ, ты ломался, такъ таперя я поломаюсь! Моя льгота!

— Э-эхъ-хе-хе! Ну-у!.. А вы къ Прокопію Истомину сбѣгайте, онъ мужикъ денежный, и дѣла у него нонѣ съ рыбой форсисто идутъ—купитъ.

Парфенъ Митричъ вмѣсто отвѣта махнулъ рукой и, отвернувшись въ сторону, почесалъ въ затылкѣ.

— Неужъ и у него были? насмѣшливо спросилъ Петръ Матвѣичъ.

— И-и какъ то-ись экихъ людей земля носитъ, а-ахъ ты братецъ мой! вмѣсто отвѣта произнесъ Парфенъ Митричъ, всплеснувъ руками.

— И у него выходили?

— Выходили! повторилъ онъ, мотнувъ головой, — въ патретъ мнѣ плюнулъ, слышь, да поднялъ съ полу ошметокъ валящій. На, утрись, говоритъ... Слыхалъ ты экое поруганье, а? спросилъ онъ.

Петръ Матвѣичъ, даже не дослушавъ его, закатился веселымъ, порывистымъ смѣхомъ.—Ай-ай... дѣло-то ваше, а? спросилъ онъ, когда смѣхъ его стихъ.

— Пожалуй, што своимъ-то умомъ и худо жить, а? спросилъ онъ.

— Убытошно, а-а-ахъ какъ убытошно! отвѣтилъ Парфенъ Митричъ.

— Къ кому болѣ и натолкнуть-то васъ, не знаю, подождите: ужо вечеромъ-то завтра я въ обратній поѣду, такъ поговорю кому ни на есть въ городѣ, можетъ и взыщутся охотники и пріѣдутъ скупать-то ее.

— У-утѣшилъ!.. И Парфенъ Митричъ всхлопнулъ руками по бедрамъ.

Въ толпѣ пробѣжалъ тяжелый вздохъ.

— Поразсорись ты, купи ее, вѣдь ты балуешь, што

денегъ-то у тебя нѣтъ, вступился Ермилъ Васильичъ.—Не ломайся!

— О васъ-же радѣю, а ты мнѣ экое слово выворотилъ, а? произнесъ Петръ Матвѣичъ тономъ, внезапно измѣнившимся изъ шутливаго въ суровый, безчувственный.

— Съ горя-то не услышишь, какъ и слово-то обронишь, прости, коли въ обиду! извинился онъ.

— А кто горю-то причиненъ, ну-ко?

— Не вспоминай, а-ахъ, будь оно...

— Не взлюбилось... ха-ха-а... За то своимъ умомъ пожили, а?

— Пожили, штобъ его...

— И чать это вы, ума-то понабрались, возмечтали о себѣ, а-а? презрительно прервалъ его Петръ Матвѣичъ.

— Не смѣйся хошь ты-то, ну-у...

— Я-я то-ись ни-ни... Я говорю только, любопытно-бы, какъ это возмечтамши-то вы были? То-ись таперя, къ примѣру, сидитъ-бы это мужикъ, къ слову говоря, въ рваныхъ бродняхъ, на полушубкѣ швы лыкомъ строчены, и вдругъ-бы это торгующій, ну хоша-бы я, недалеко ходить, въ лисей-бы шубѣ, боберъ на шапкѣ, денегъ въ карманахъ, што омуля по веснѣ, и мужику-то-бы это въ ноги. А-а-ахъ ха-ха-ха-а!

И, отслонившись къ стѣнѣ, Петръ Матвѣичъ разразился неудержимымъ хохотомъ; взрывы его до того были сильны, что порою походили на истерическое рыданіе.

Крестьяне стояли молча, понуривъ головы.

— Ну што-жъ, пришолъ я кланяться-то вамъ, а? спро-

силъ онъ, отирая съ глазъ слезы, набѣжавшія отъ нервнаго хохота.

— Мужичью-то работу кланяться никто на свою спину не возьметъ, Петръ Матвѣичъ! тоскливо отвѣтилъ ему Ермилъ Васильичъ.

— А-а, таперя и смиренія накинули, на другой голосъ запѣли, да вѣдь вы-же давѣ говорили, што поклоновъ моихъ ждали, а? Што-жъ, кто кому выю-то склонить пришелъ, а-а? И мужики вы, мужики! съ разстановкой началъ онъ, презрительно качая головой.—Съ чего вы энто умъ-то показывать вздумали, а? Да нѣшто мужичье это дѣло умомъ-то жить? и почишше-то васъ кто, такъ голова отъ энтакой фантазіи прѣетъ, а то мужики, а?.. Чье дѣло въ назмѣ рыться, робить безъ устани, штобы кормить преизвышенныхъ фортуной? Умомъ захотѣли жить, а-а-ахъ ха-ха-ха-а! И передъ кѣмъ-же вы вздумали умъ-то показывать, ломаться-то, а? Ты вотъ нищъ, ни-ищъ, чѣмъ ты и выглядишь, такъ истертаго гроша никто не дастъ, а я-то кто, а-а?.. Тыщщникъ... Пойми слово-то: ты-ыщщникъ! На твоей головѣ волосъ столько нѣтъ, сколь у меня капиталу, да пошелъ-бы я кланяться вамъ, а-а-ахъ ха-ха-ха-а? О-о-охъ тошнехонько! проговорилъ онъ, схватившись за лѣвый бокъ.—Ну што-жъ вы таперя съ рыбой-то вашей будете дѣлать, а? началъ онъ, отдохнувъ отъ схватывавшихъ его коликъ. — Самимъ ѣсть — брюхо, говоришь, не привышно, неравно тѣло нагуляешь, а волосные лозьемъ сдерутъ... за подать. Продать некому, ну и-и штожъ ты, а-а? Должонъ ее обратно въ воду кинуть?

И, подбочинившись, Петръ Матвѣичъ впился въ нихъ нахально-насмѣшливымъ взглядомъ.

— Грѣ-ѣхъ-бы тебѣ надъ бѣдностью-то нашей глумить, Петръ Матвѣичъ! со вздохомъ, покачавъ головой, отвѣтилъ ему Ермилъ Васильевичъ.

— Надъ бѣдностью-то и глуми. Богатый-то за все самъ себѣ господинъ, его никто не тронетъ! Ты вотъ наживи-ко капиталу, такъ и тебѣ всякій за твой умъ честь отдастъ и ты будешь вразумлять... Поколь кто бѣденъ, такъ его вводи въ чувство-то, въ покорность-то, въ покорность-то въ эту!

— Покорились ужъ, плачемъ! Чѣмъ ругать-то, ты-бъ слезы-то наши уте-еръ! отвѣтилъ ему Парфенъ Митричъ, въ голосѣ котораго дѣйствительно слышались слезы.

— Плакущимъ-то всѣмъ не утрешь—много ихъ на бѣломъ свѣтѣ слоняется!

— Ну, горше-то мужика...

— И энто слыхивали! прервалъ его Петръ Матвѣичъ.— А ты поновѣй чего ни на есть скажи. куда вотъ ты, къ примѣру, съ рыбой-то?

— Къ тебѣ одно пристанище!

— А-а... стал... быть, спѣсь-то повылѣзла, вспомнили, какъ и у Петра Матвѣева дверь отворяется, а раньше-то вы и плевать на нее не хотѣли: што-жъ я теперь долженъ съ вами-то сдѣлать, а?

— Облагодѣтельствуй!

— По писанію, стало-быть, добромъ за зло, а?.. Кла-

няйся вотъ въ ноги и облагодѣтельствую. Мнѣ вотъ и не надоть вашу-то рыбу, а снизойду и куплю!

— А-а-а-ахъ, братецъ, снизойди... Сдѣлл-милость!

— Я нешто съ тобой изъ одной утробы-то? строго спросилъ онъ обмолвившагося Парфена Митрича.

— Къ слову, не погнѣвись!

— Ты оглядывай свое-то слово. Я съ тобой вотъ што ись и на одну-то половницу не стану! Ты кто есть?

— Хрестьянинъ!

— А я купецъ, гильдію ношу... почетъ... такъ могу-ль я съ тобой равняться-то? я вотъ и разговариваю-то единственно по добротѣ!

— Пошли тебѣ, Господи!

— Погляжу, какъ вы укротились духомъ. Кланяйтесь-ко!

И онъ горделиво посмотрѣлъ на нихъ, вытянувъ впередъ ноги.

— Поклонимся, братцы, што-жъ? обратился Ермилъ Васильевичъ къ остальнымъ стоявшимъ за нимъ крестьянамъ.—Снисходитъ, къ нашей-то нуждѣ, пошли ему Господи.

Всѣ молча замялись съ ноги на ногу, кое-кто почесалъ въ затылкѣ, а у иного непроизвольно выражался тяжолый вздохъ.

— А ты какъ рыбку-то у насъ, по какой цѣнѣ возьмешь? неожиданно спросилъ его Парфенъ Митричъ.

— Ты допрежъ себѣ снисхожденье-то вымоли, а не объ энтомъ разговаривай: твоей-то рыбы мнѣ и не надоть, я исшо объ энтомъ подумаю, купить, аль нѣтъ, слыхалъ-ли?

— Ты ужъ сдѣлл-милость, не обидь.

— Энто ужъ мое дѣло, подумаю!

— Будь по Божьи, другъ. Я и спросилъ-то болѣ, штобъ, значитъ, за одинъ поклонъ обстоять!

— А-а, дважды-то не хошь?

— Прикажешь, и дважды поклонишься, ничего не подѣлаешь! И низко тебѣ это кланяться-то?

— По щиколку! *).

— Поклонишься и по щиколку, ничего не подѣлаешь, какъ-бы про-себя, съ раздумьемъ произнесъ Парфенъ Митричъ.—А-ахъ, Иванъ Николаичъ уготовилъ иго, а все-бы о цѣнѣ-то, другъ! промолвилъ онъ.—Ну да ужь поклонимся, братцы, поклонимся! произнесъ онъ, обратившись къ толпѣ, такъ-же какъ и Ермилъ.

Ни одинъ земной владыка такъ горделиво не принялъ-бы отдаваемыхъ ему почестей, какъ принялъ ихъ Петръ Матвѣичъ отъ унижающихся бѣдняковъ.

— Поняли-ль теперь мою-то науку, а? строго спросилъ ихъ Петръ Матвѣичъ послѣ окончанія поклоновъ.

Всѣ замялись и молча робко посматривали другъ на друга.

— Какъ-же я теперь должонъ торговаться-то съ вами, вѣдь вы таперя во-о гдѣ сидите у меня всѣ? произнесъ онъ, показавъ имъ сжатый кулакъ. — Захочу я — и сыти будете, не захочу — и будете помнить каково съ Петромъ Матвѣичемъ шутки шутить! Три гривны съ пуда на свалъ, а-а?—И, весь избоченившись, онъ прищурилъ глаза и, ме-

*) Ступня ноги.

дленно отбивая тактъ ногой, смотрѣлъ, какое впечатлѣніе произвела на нихъ рѣчь его.

— Не пужай хошъ для Бога-то? отвѣтилъ ему Парфенъ Митричъ, заискивающимъ взглядомъ смотря на него.

— А не пужаю, если и отдашь?

— Отдашъ, а-ахъ и раззоришься, да отдашь! согласился онъ.

— Почувствовали таперя, што я такое?

— Пожалуй, што почувствовали, а-ахъ штобъ ему... эфтому Ивану Николаеву. Ну-у, будемъ помнить, почувствовали! снова повторилъ онъ.

— И помни, я вотъ и раззорить тебя могу, а не зорю... душа есть... я вотъ тебѣ полтину даю; снисхожденье-ли?

— Снисхождень, дай тебѣ Господи, а все-бы души-то во спасенье, семь гривенокъ положить-бы надоть, а?

— Рубь не хошь-ли?

— Не дашь вѣдь рубля-то, такъ только языкъ точишь, а помолились-бы, а-ахъ какъ. И денно-бы и ношно на молитвѣ!

— Ну молитвы-то энти до другого разу запаси, а нонѣ и за полтину благодарствуй.

— И за семь-бы гривенъ помолились, и ей-Богу. Мало полтины-то, сизый. Дыръ-то много, попробуй-ко заткнуть-то ихъ всѣ изъ полтины; для Бога-то хоша положь семь гривенокъ...

— Каждому-то для Бога расточать, и кармана не напасемъ, а мало тебѣ — я и не навязываюсь. Отъ щедрыны

Богъ ослобонилъ, ѣшь ее самъ!—И отвернувшись отъ нихъ, Петръ Матвѣичъ монотонно забарабанилъ по столу.

— Не человѣкъ ты, однако! всплеснувъ руками, произнесъ Парфенъ Митричъ.

— Обознался... Самый по образу и подобію...

— Не умолишь тебя никакой слезой.

— И не утруждайся... Не икона! Добръ-ли я вотъ, по вашему-то понятію? спросилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія, искоса поглядывая на нихъ.

— Взыщи тебя, Господи! Одно слово...

— Я вотъ не раззоряю, я вотъ шесть съ пятакомъ надкидываю, довольно-ли?

— Не далеко ужь до пятачка-то: надбавь, съ добродѣтели-то сжалься! отвѣтилъ ему Парфенъ Митричъ.

— И все вы въ безчувствіи! все мало?

— Нужа, родной, а-ахъ, нужа! Нашему брату и копѣйка дорога, не токма пятакъ!

— А ко мнѣ, по твоему, пятаки-то сами въ карманъ плывутъ, а?

— Сравнялъ! Твое дѣло и наше! Ты купецъ, куда не шагнешь—все деньги, а наше-то дѣло: гдѣ постоишь и тутъ протаетъ!

Петръ Матвѣичъ снова отвернулся и задумчиво посмотрѣлъ въ уголъ.—Надо-бы васъ поучить исшо, да ужъ стихъ-то прошелъ, укротился я! вскользь замѣтилъ онъ.

— Поучилъ, чего исшо надоть? Понюхали, чѣмъ отъ сапогъ-то пахнетъ! также замѣтилъ ему и Ермилъ Васильевичъ.

— То-то, мало, говорю, нюхали-то, надоть-бы исшо, въ обоняніи штоба было! Ну, дамъ я вамъ пятакъ, надкину, што-жъ вы-то мнѣ чѣмъ за это отплатите, а?

— Въ ноги... отъ мужика одна плата!

— А ты говоришь, пахнетъ? съ ироніей спросилъ онъ.

— Понюхашь и вторительно... Нужа-то заставитъ!

— И только што понюхашь, будто болѣ и ничего, а?

— Господи! да чего-жъ тебѣ исшо надоть? Ругалъ, ругалъ, исшо мало; ты пожалѣй, вѣдь и мы люди! вмѣшался Парфенъ Митричъ.—И въ насъ вѣдь душа...

— А на будущій годъ вы съизнова за энти пѣсни, а? Съизнова будете умъ показывать? спросилъ онъ.

— Живы-ли исшо будемъ!

— Ну коли живъ-то будешь?

— Умъ-то показывать? переспросилъ Парфенъ Митричъ.—Нѣтъ, пожалуй, што не мужичье дѣло!

— И завсегды это памятуйте!

— Оборони Господи! И безъ ума мужику горе, а съ умомъ вдвое, особливо учителя-то...

— Не потакаютъ, а-ахъ-ха-ха-а! Ну такъ вотъ за то, што будто я васъ уму поучилъ, дайте-ко мнѣ подписку, што обязуетесь на будущій годъ продать мнѣ всю вашу рыбу по моимъ цѣнамъ, а?

— Подписку-то?—И, почесавъ въ затылкѣ, Парфенъ Митричъ вопросительно посмотрѣлъ на остальныхъ.

— А ты не обидишь? спросилъ Ермилъ Васильичъ.

— Какой стихъ найдетъ!

— А-а-а! боязно... Экъ-то?

— Ты только будь въ покорствѣ, а отъ меня... окромя добра... поняли?

— О-охъ... оно... Штожъ, какъ други? обратился онъ къ остальнымъ. — И задаточку дашь? снова спросилъ онъ Петра Матвѣича.

— Снабжу!

— Пошли ему Господи, други, и-ей-Богу!.. добрый онъ! говорилъ, обратившись къ толпѣ, обрадованный Ермилъ Васильевичъ. — Дай тебѣ Господи! откликнулись на слова его и остальные, и на истомленныхъ, за часъ до того убитыхъ лицахъ засіяла радость.

Щедрою рукою далъ имъ Петръ Матвѣичъ задатокъ и часть денегъ, причитающихся за скупленную на свалъ рыбу до развѣса ея. И взяли они задатокъ, не думая о будущемъ: да имъ-ли, жившимъ день за день, было думать о будущемъ?

Въ тотъ-же вечеръ Романъ Васильевичъ утвердилъ своею печатью составленное условіе между Петромъ Матвѣичемъ и крестьянами, гдѣ были приписаны услужливымъ Борисомъ Федорычемъ непонятныя для послѣднихъ слова: „а въ случаѣ неустойки или упорства насъ, нижепоименованныхъ, воленъ онъ, Вѣжинъ, искать всѣ свои убытки съ нашего имущества, за смертью-же или неустойкою кого-либо изъ насъ, онъ воленъ искать свои убытки съ насъ, взаиморучателей“.

Когда Миронъ Игнатьичъ и Семенъ пришли изъ балагана къ вечернему чаю, Петръ Матвѣичъ молча подалъ Мирону Игнатьевичу составленное имъ условіе.

— Учись, Семка, у дяди, поколь живъ онъ! съ улыбкой обратился Миронъ Игнатьевичъ къ Семену послѣ прочтенія условія.—Съ энтакой наукой большія палаты наживешь... бо-ольшія!

Лицо Петра Матвѣича дышало горделивымъ довольствомъ. Лучшей похвалы для него и не могло быть.

Наступилъ и день открытія ярмарки. Послѣ молебствія на площади и водосвятья раскрылись балаганы, показавъ сложенныя въ нихъ богатства. На иныхъ взвились флаги, и густыя толпы народа, одѣтаго по праздничному, разсыпались по рядамъ. И какихъ только костюмовъ не мелькало въ этихъ шумно-волнующихся массахъ: и теплая безъ разрѣза малица *), съ такою-же шапкой и сапогами—остроумное изобрѣтеніе остяка,—и бѣлыя малки **), узорно вышитыя цвѣтною шерстью на спинѣ и на полахъ, и овчинные тулупы, одѣтые вверхъ мѣхомъ, и суконные зипуны. Матерчатые, яркихъ цвѣтовъ кацавеи на женщинахъ и шубки, опоясанныя алыми кушаками, еще болѣе разнообразили эту, и безъ того пестрѣющую всевозможными оттѣнками, картину, обливаемую яркими солнечными лучами. Неумолкаемо несшійся говоръ и хохотъ, иногда покрываемый рѣзкимъ визгомъ скрипки или гармоники, звонъ колокольцевъ и бубенчиковъ на лихихъ тройкахъ, заложенныхъ въ розвальни, съ гикомъ носившихся по улицамъ, хоровыя пѣсни

*) Оленья шуба съ двойнымъ мѣхомъ снаружи и внутри.

**) Оленья шуба съ однимъ мѣхомъ внутри.

катавшихся въ нихъ дѣвушекъ и парней, сливаясь въ одинъ общій нестройный гулъ, напоминали скорѣе прибой волнъ о прибрежныя скалы, чѣмъ человѣческую рѣчь.

У балагановъ, гдѣ шелъ оживленный торгъ, кипѣла разнообразная, полная наивнаго юмора жизнь, того юмора, которымъ такъ богата натура русскаго простолюдина, гдѣ вмѣстѣ съ дѣтскимъ міросозерцаніемъ его и незлобивой шутливостью, сливается и логичный умъ, и трезвый опытъ, выносимый изъ многострадальной жизни. Порою въ воздухѣ быстро мелькалъ аршинъ съ наматываемымъ на него ситцемъ, но расходилась за копѣйку цѣна, и торговецъ съ ругательствомъ складывалъ снова въ кусокъ отмѣрянный ситецъ, а покупательница, прищелкивая орѣхи, флегматично отторговривалась на укоры его: „поробь-ко съ мое и на копѣйку оглянешься!“ У одного изъ балагановъ пожилой мужичекъ болѣе часу вытягивалъ сыромятные ремни наборной сбруи, пробуя упругость ихъ и на колѣнѣ, и зубомъ, и все еще не убѣждаясь въ крѣпости, на всѣ увѣренія торговца приговаривалъ: „на жерновѣ, братъ, не выдержитъ!“

Изъ каждаго балагана слышался пробный звонъ колокольчиковъ, покупаемыхъ подъ дуги, щелканье ружейныхъ замковъ, тупой звонъ кострюль, происходящей отъ стука въ днища ихъ, или тонкое дребезжаніе чайниковъ и чашекъ, кидаемыхъ торговцами на прилавокъ въ удостовѣреніе прочности ихъ предъ покупателями, у которыхъ разбѣгались глаза на сверкающіе передъ глазами ихъ товары. Иной и ничего не покупалъ, а все-таки тѣснился у прилавка, примѣривая на свою голову различныя шапки и шляпы, при-

цѣниваясь и къ сапогамъ, и къ рукавицамъ, и ко всему, на что глаза глядѣли—и, махнувъ рукой съ видомъ недовольства, отходилъ къ сосѣднему балагану, гдѣ повторялись тѣ-же сцены.

Миронъ Игнатьевичъ терпѣливо увѣрялъ молодую, довольно красивую, женщину въ прочности торгуемаго ею шерстянаго платка.

— Ты, молодка, энтотъ платъ-то и въ тыщи годовъ не выносишь! говорилъ онъ, пока она съ боязливою нерѣшительностью мяла его въ рукахъ;—нить-то у него во-олосъ, будь безъ сумнѣнія! Што тѣ, молодчикъ? обратился онъ къ подошедшему крестьянину, облокотившемуся на прилавокъ.

— Што, говорю, покупаешь? снова повторилъ онъ.

— Я, братъ, струментъ выглядываю, да штой-то нѣтъ ровно экаго! отвѣтилъ онъ, зорко оглядывая полки.

— Плотничный аль кузнечный струментъ-то? спросилъ онъ.—Не сумняйтесь, молодка, то-ись за вѣрное говорю... вещь... статья! обратился онъ къ молодицѣ.—Какой струментъ-то, спрашиваю, званіемъ-то?

— Имя-то его, подь оно къ Богу, твердилъ, твердилъ... да провались оно...

— Мастерства-то ты какого?

— Столяръ! Избы рублю по деревнямъ-то!

— Рубанокъ?

— Сказалъ... хе... Этотъ струментъ я лонскаго года у городскаго мастера видѣлъ, не здѣшній, онъ сказывалъ! Вертитъ, вертитъ, да ахъ ты, братецъ, ну и струме-ентъ!

— Напарье, коль вертитъ?

— О-о! Напарье! Этотъ струментъ... слово... имя-то вотъ, подь оно, и твердилъ!

— Што цѣной-то? прервала его молодица, ощупавшая и тщательно осмотрѣвшая платокъ со всѣхъ сторонъ къ свѣту.

— Безъ лихвы, красавица, полтора рубля! Самую свою цѣну и, ей-Богу, себѣ дороже: ужъ такъ единственно за прелесть твою!

— О-отступись, за экой-то платъ?

— Безъ износа, лебедка, по-огропъ жизни и дѣткамъ въ придачу!

— Восемь гривенъ! произнесла она.

— Миронъ Игнатьевичъ молча сложилъ платокъ и, не обращая вниманія, отложилъ его въ сторону.

— Видомъ-то, говорю, каковъ струментъ-то? снова обратился онъ къ крестьянину.

— То-ись какъ-бы это тебѣ, братецъ, какъ шило, говорю, и съ такими это фигурами, а-ахъ-ты, чортъ возьми, и въ кою сторону ты имъ ни верни, все фигура, объяснилъ онъ.

— Продаешь, што-ль? прервала его молодица, все еще продолжавшая стоять въ раздумьи.

— Дешево покупаешь, только домой не носишь! отвѣтилъ онъ.—Хошь купить, вотъ тѣ рубль тридцать—послѣднее слово! И-и, такъ шило, говоришь?

— Шило, шило, совсѣмъ шило!

— Нѣту этого!

— И вижу, што нѣтъ! не видать, какъ ни приглядываю, а струме-ентъ, какъ ни изловчись имъ,—все фигура!..

— А-а, фигура?

— Фигура, фигура, другъ! И выдумали-же, говорю, а? А што-бы, къ примѣру, ты за экой самоваръ съ меня спросилъ? указавъ на средняго формата самоваръ, стоявшій на окраинѣ полки, спросилъ онъ.

— Десять рублевъ!

— Цѣна-же!

— А ты какъ полагалъ?

— Ну, да оно, извѣстно, всякому свое! Струменъ-то вотъ этотъ, братецъ, а? И твердилъ званье-то его лопнуть... и... и... ужь безъ уступочки за самоваръ-то?

— Гривну для почину!

— А-а! Ну да што говорить, одно слово вешшь. Дочку я замужъ сооружаю, вотъ дѣло-то!

— За кого?

— Вдовый мужикъ-то, братецъ, и да вотъ, поди ты, не пьющій, нѣтъ энтого баловства-то за нимъ! Ну такъ бабы-то говорятъ, вишь, самоваръ надоть да перину, а я-то, признаться, болѣ за струментомъ!

— У тебя деньги-то есть-ли? выслушавъ его, неожиданно спросилъ Миронъ Игнатьевичъ.

— Деньги-то? А нашто-бы это тебѣ?

— Любопытно-бы!

— Не полагай... Мы нонѣ съ деньгой!

— То-то, коли ты для одного разговору, такъ отваливай, и безъ тебя много шляющихъ-то! И ты, молодка

тожъ не затѣняла-бы свѣту, не по ндраву цѣна, ну и подь въ другое мѣсто, вѣрнѣй будетъ.

— Мужичокъ, сооружающій замужъ дочь, конфузливо почесавъ въ затылкѣ, безцѣльно посмотрѣлъ въ сторону.

— Сторони-ись! крикнулъ, оттолкнувъ ихъ отъ прилавка, крестьянинъ среднихъ лѣтъ, въ новомъ зипунѣ, съ заломленной на затылокъ шапкой; въ лицѣ его сіяло самое веселое довольство.—Видалъ ты столько денегъ, а-а? обратился онъ къ Мирону Игнатьевичу, развернувъ руку и показывая ему скомканный въ ней пучекъ ассигнацій.—Много?

— Не считалъ! отвѣчалъ онъ.

Вслѣдъ за нимъ изъ-за угла быстро вывернулась молодая красивая женщина и, подхвативъ его подъ руку, съ силой оттащила отъ прилавка. Повернувшись къ Мирону Игнатьевичу, увлекаемый, среди общаго хохота сидѣльцевъ и толпившихся у балагановъ крестьянъ, только кивнулъ ему головою и крикнулъ: „знай!“

— Ай, баба! А-ахъ-ха-ха-а! Какъ она его! прыснулъ сѣдой, какъ лунь, старикъ въ поношенной малкѣ и, всплеснувъ руками, даже присѣлъ отъ удовольствія.—Ну-у, а што, купецъ, у васъ въ городахъ-то есть экія бабы? наивно обратился онъ къ Мирону Игнатьевичу.

— Худой-то посуды вездѣ много! отвѣтилъ тотъ.

— И, ей-Богу! А-ахъ, какъ ты вѣрно это, ну и купе-ецъ! Давай мнѣ за энто обутки, утрафилъ ты мнѣ энтимъ словомъ-то.

— По зубамъ дать помягче, аль по-фарсистѣй, кожанные съ подборомъ? спросилъ онъ.

— Свистунъ у меня, люби его Богъ, ноготь экой, въ палецъ ростетъ! пояснилъ онъ.

— И съ ногтемъ исшо, а-ахъ-ты, старый! Гляди-ко!

— Съ ногтемъ! А ты какъ-бы думалъ? гворилъ онъ, ощупывая поданные ему Мирономъ Игнатьичемъ кошомныя валенки.—А жидковаты ровно? спросилъ онъ.

— Внучаты доносятъ,—не ты!

— И робятъ-то што ись не было, вотъ, другъ, болѣзнь какая! пожаловался онъ.

— Што-жъ такъ обшрафился, а?

— И радѣлъ, сердцемъ радѣлъ,—не было! съ тоскою въ голосѣ отвѣтилъ онъ.

— Помочь-бы сдѣлалъ!

— А-а, на ложе-то это? съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Худую-то полосу вѣдь завсегда помочью вспахиваютъ, и былъ-бы съ урожаемъ безъ горя, недогадался, старый, а? насмѣшливо спросилъ Миронъ Игнатьичъ.

— Строгоой я... о-о!

— А-а-а!

— На энти дѣла... у меня баба въ струнѣ.

— А старый, говоришь, а?

— Не диви... хе!.. старый... Ты, къ примѣру, што за обутки вотъ возьмешь, а? Мотри только, съ меня дешевле бери, старенькой я, убогой!

— Со старенькаго-то и взять надо дороже! Старому человѣку на што деньги; молодому, ну-у будто дѣвки блазнятъ, можно спускъ дать, а тебѣ нешто въ гробъ нести!

Ну да бери ужъ за семь гривенъ, што тебя обидѣть... И безъ того Богъ убилъ!

— О-охъ, убилъ! Вѣрно! А все гривенку сбрось за Божью-то обиду, а?

— Гривенку-то эту чья рука пообидѣла, та и пошлетъ!

— Не пошлетъ!

— Угнѣвилъ, значитъ, свѣчу!

— На свѣчу-то и выторговываю, снизойди.

— На свѣчу-ли, мотри, старый? наровишь-то одному Богу, а не поставь другому; туда вонъ, подъ ельникъ, а? спросилъ онъ. — Ну, да бери ужь за шесть, што съ тебя!

Старикъ, кряхтя, досталъ ситцевый кисетъ, истрепанный временемъ, какъ и самъ онъ, и, вынувъ изъ него пригоршню мѣдныхъ денегъ, долго пересчитывалъ ихъ, внимательно осматривая подслѣповатыми глазами каждую монету къ свѣту.

— Всѣ! произнесъ, наконецъ, онъ, кладя ихъ на прилавокъ. — Надоть-бы вотъ исшо пяточекъ съ тебя уторговать... ну... будто на слово боекъ, владай имъ! — и, махнувъ рукой, онъ отошелъ, бережно укладывая кисетъ за пазуху.

Крестьянинъ, торговавшій самоваръ, все время стоялъ за угломъ балагана, пережидая ухода старика, и едва тотъ отвернулся отъ прилавка, онъ снова подошелъ и облокотился на него.

— Болѣе гривенки уступочки съ самовара-то не будетъ, а? мягкимъ, заискивающимъ голосомъ спросилъ онъ. — Я-бы за восемъ-то рублевъ не постоялъ!

— И я не постою, коли деньги покажешь? отвѣчалъ ему Миронъ Игнатьичъ.

— Рази первѣй разговору деньги-то кажутъ, а?

— Не инако... потому съ покойной совѣстью будемъ языкъ трепать.

— Покажу, не сумняйся!

— Ну... ну... покажи.

— Заведенья-то вотъ нѣтъ, штобы на-перво, значитъ, казать-то ихъ. Може, мы и цѣной не выговоримъ!

— Не отниму, твое при тебѣ будетъ! Сойдемся—ладно, не сойдемся—прощенья просимъ, напредки порога не обивай!

— Не хорошо энто купецъ, неужь я-бы, къ примѣру, безъ денегъ пошелъ, а?

— Секундъ показать-то, долго-ль?

— Обида!

— Никакой, похвала скорѣй, исшо мужикъ и на шапкѣ заплаты, и полушубокъ дыра на дырѣ, а денежный, энто похвала-а-а!

— Не порядокъ! тѣмъ-же обидчивымъ тономъ отвѣтилъ онъ, отодвигаясь отъ прилавка и избѣгая глазами насмѣшливаго взгляда, какимъ провожалъ его Миронъ Игнатьичъ.

Пока Миронъ Игнатьевичъ хозяйничалъ въ балаганѣ, на широкомъ дворѣ занимаемой Петромъ Матвѣевичемъ квартиры подряженные для доставки рыбы возчики изъ ближнихъ къ Тобольску деревень, складывали и упаковывали ее, подъ наблюденіемъ Семена, въ розвальни и пошевни. Болѣе десяти возовъ были готовы къ отправкѣ. И

самъ Петръ Матвѣевичъ, одѣтый по дорожному, хлопоталъ на дворѣ съ Авдѣемъ около повозки, приготовляясь къ дальнѣйшему объѣзду деревень по Иртышу и Оби. Въ то время, какъ Авдѣй запрягалъ лошадей, онъ укладывалъ въ повозку дорожныя вещи, упаковывая ихъ въ сѣно.

Въ это время во дворъ вошли Кулекъ и Вялый.

— Зачѣмъ-бы пожаловали?.. насмѣшливо спросилъ онъ, увидя ихъ.

— Къ твоей милости! отвѣтилъ Кулекъ, стоя передъ нимъ безъ шапки. Въ наружности Кулька замѣтно было, что онъ похудѣлъ и какъ-будто съежился.

— Што-жъ-бы это отъ моей милости требовалось?

— Снабди насъ деньжонками, снизойди: у всѣхъ людей праздникъ, только у насъ будни, будь ты по душевному! Ты-жъ раззорилъ-то насъ, гляди, у всѣхъ взялъ рыбу-то по семи гривенъ, за што-жъ насъ-то по шести разсчиталъ? Вѣдь рыба-то у всѣхъ одна, изъ одной рѣки-то!

— Ты старый-то долгъ весь мнѣ отдалъ? спросилъ его Петръ Матвѣичъ.

— По твоему-то счету исшо въ недоимкѣ!

— А по вашему-то, какъ, а?

— По нашему-то, весь-бы!

— Такъ ты наперво донеси мнѣ по моему счету, а потомъ ужъ я погляжу, какъ вамъ додать по вашему!.. сухо отвѣтилъ онъ.

— Ро-одной, сдѣлл... ты милость!

— Съ котораго боку я тѣ родной-то, а? Ро-одной, а-ахъ-ха-а! Ты помнишь-ли, какъ ругался-то надо мной, а?

Аль это по родству-то? Зачѣмъ-же таперя къ человѣку, у котораго, по твоему, честь хуже бабьяго подола, кланяться-то пришелъ, а?

Вмѣсто отвѣта, Кулекъ только понурилъ голову.

— Отвѣдалъ; каково-то, а? Теперь умоли-ко.

— Тебѣ, ничаво, што мы плачемъ-то, не молитва.

— Поешь-ли ты, плачешь-ли, мнѣ это все единственно... тьфу! преизнесъ онъ, сплюнувъ на сторону. — Семка! крикнулъ онъ:—неси-ко, подь, подушку, да погребецъ!

Семенъ быстро побѣжалъ въ горницу.

— Отъ кого-жъ мы плачемъ-то, отъ тебя-же! угрюмо отвѣтилъ ему Кулекъ.

— Эвтакаго тирана я-бъ за версту обошелъ, а ты ко мнѣ-же идешь, а?

— И обошелъ-бы, коли-бъ не нужа.

— А-а... нужа-то только гонитъ... ну такъ поголодай, испробуй, а я тѣ не кормилецъ!

Въ эту минуту мимо растворенныхъ воротъ неожиданно прошелъ Иванъ Николаичъ. Увидя на дворѣ Петра Матвѣича и Кулька, стоявшаго передъ нимъ безъ шапки, онъ остановился.

— Нонѣ и въ достоль заспѣсивѣлся, ну-у и шапки не гнешь? насмѣшливо крикнулъ ему Петръ Матвѣичъ, загребая въ сѣно, въ изголовьѣ повозки, принесенный Семеномъ погребецъ.

— Не видать никого имянитыхъ-то! отвѣтилъ онъ, входя во дворъ,—а-то снялъ-бы!

— А помнится, и мнѣ снималъ, а?

— За чесь чесью всегды расплачиваются!

— Стало-быть, я долженъ починъ-то сдѣлать, снять-то ее, а?

— А для ча и не снять-бы? Не свыше нашего брата, што въ лисьей-то шубѣ,—такъ вѣдь энто, Петръ Матвѣичъ, дѣло-то переходчивое: сегодня въ шубѣ, а завтра въ той-же дерюгѣ—не узнано!

— А ты, ровно, Иванъ Николаичъ, покруглѣй выглядишь: и ей-Богу, чать, рыбку почалъ? съ насмѣшкой спросилъ Петръ Матвѣичъ, не обративъ вниманія на замѣчаніе своего противника.

— Пробую.

— И-и скусная, а?

— Отмѣнная: ты-бъ и языкъ сглонулъ!

— Ну, давай, давай Богъ! Проглони-ко лучше свой поспопутью—восте-еръ больно!

— Пригодится ко времю: пошто глотать!.. я и прикусывать-то его исшо не учился! совершенно спокойно отвѣтилъ Иванъ Николаичъ.

— А што, къ слову спрошу, по чьимъ цѣнамъ я нонѣ рыбку-то купилъ—слыхалъ, поди? спросилъ Петръ Матвѣичъ, насмѣшливо посмотрѣвъ на него.

Иванъ Николаичъ молча сложилъ на груди руки. Никакой тѣни неудовольствія не пробѣжало на открытомъ лицѣ его отъ колкаго замѣчанія Петра Матвѣича.

— И около ногъ-то моихъ чѣмъ пахнетъ, тоже, чать, сказывали тебѣ, а? снова спросилъ Петръ Матвѣичъ.

— Сказывали; а тебѣ и любо?

— А-ахъ-ха-ха-а! Съ дураковъ-то этакимъ манеромъ я и сбиваю спѣсь-то, понялъ-ли? гордо осмотрѣвъ его, спросилъ онъ.

— Понялъ! тѣмъ-же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ тотъ. — Только растолкуй ты мнѣ, кто изъ васъ дуракомъ-то выглядывалъ: ты-ли, какъ поклоны-то отбиралъ, аль мужики?

И Кулевъ, и Авдѣй, и Семенъ, слышавшіе отвѣтъ Ивана Николаевича, примѣтили, какъ кровь прилила къ лицу Петра Матвѣича и съузившіеся глаза его сверкнули недобрымъ свѣтомъ.

— Неужъ тебѣ чесь, што ты надъ нищими-то наломался? продолжалъ между тѣмъ Иванъ Николаичъ. — Молчалъ-бы ты, купе-ецъ, а не похвалялся! Дураками ты ихъ зовешь, да вѣдь ихъ нужа дурачитъ-то, а ты-бы спросилъ у добрыхъ людей, умнѣй-ли ты-ы?..

— Ужо дать рази гривну за дерюжный-то урокъ! отмахнувъ полу лисьей шубы и запустивъ руку въ карманъ, съ ироніей произнесъ Петръ Матвѣичъ; но замѣтно было, что въ ироніи его скорѣе проглядывало смущеніе, чѣмъ насмѣшка.

— Поберегм для себя: придетъ неравно часъ и самъ за грошемъ руку протянешь — сгодится! А вотъ лучше не обидь Кулька-то съ Вялымъ — вѣдь ты-жъ ихъ раззорилъ!

— Што за ходатель ты выискался, а!? крикнулъ невыдержавшій, наконецъ, Петръ Матвѣичъ. — Ты зачѣмъ ко мнѣ пришелъ, кто тебя звалъ-то?

— Я безъ зову, поглядѣть только, насколько ты подросъ отъ мужичьихъ-то поклоновъ.

— Уйди, говорю, слышь: не мозоль моихъ глазъ!

— Опомнись: дворъ-то не твой!

— Уйди безъ грѣха! — И плюнувъ съ сердцемъ въ сторону, Петръ Матвѣичъ выскочилъ изъ повозки, въ которой стоялъ, и спѣшно ушелъ въ горницу, но до ушей его все-таки долетѣлъ смѣхъ, какимъ проводилъ его Иванъ Николаичъ.

Послѣ полудня ярмарка достигла своего крайняго развитія. Все чаще и чаще по улицамъ села встрѣчались крестьяне съ нетвердою поступью; иной успѣлъ потерять и купленную шапку, и рукавицы. Кое-кто прилаживался и на покой у бревенъ, накатанныхъ у заборовъ. Съ выставокъ, открытыхъ на время ярмарки, давно слетѣли холщевые пологи, и самые шесты съ прибитыми на нихъ елками покачнулись отъ напора тѣснившагося народа. Шумнѣй и разгульнѣй становилось ярмарочное веселье, бойчѣе на слово громкая рѣчь. Порой, какъ вихрь, неслась по рядамъ толпа гулякъ, съ музыкантомъ впереди, сминая и отбрасывая въ сторону все попадавшееся навстрѣчу, и рѣзкая, разноголосная пѣсня ихъ заглушала и хохотъ провожающихъ ее крестьянъ, и визгъ смятыхъ и сшибенныхъ съ ногъ женщинъ. И далеко за полночь бродилъ еще по селу разгулявшійся людъ, забывъ свое горе и нужды; во всѣхъ избахъ виднѣлись огни, со всѣхъ перекрестковъ неслись неумолкающія пѣсни.

Но съ закатомъ солнца одинъ за другимъ стали закрываться балаганы, и, при свѣтѣ фонарей, въ нихъ снова пошла дѣятельная упаковка товара. И въ этотъ короткій промежутокъ времени наѣзжающіе торговцы выручаютъ до-

вольно значительныя суммы, которыя даютъ имъ возможность открывать впослѣдствіи обширные магазины въ городахъ и считаться „первостатейными“.